

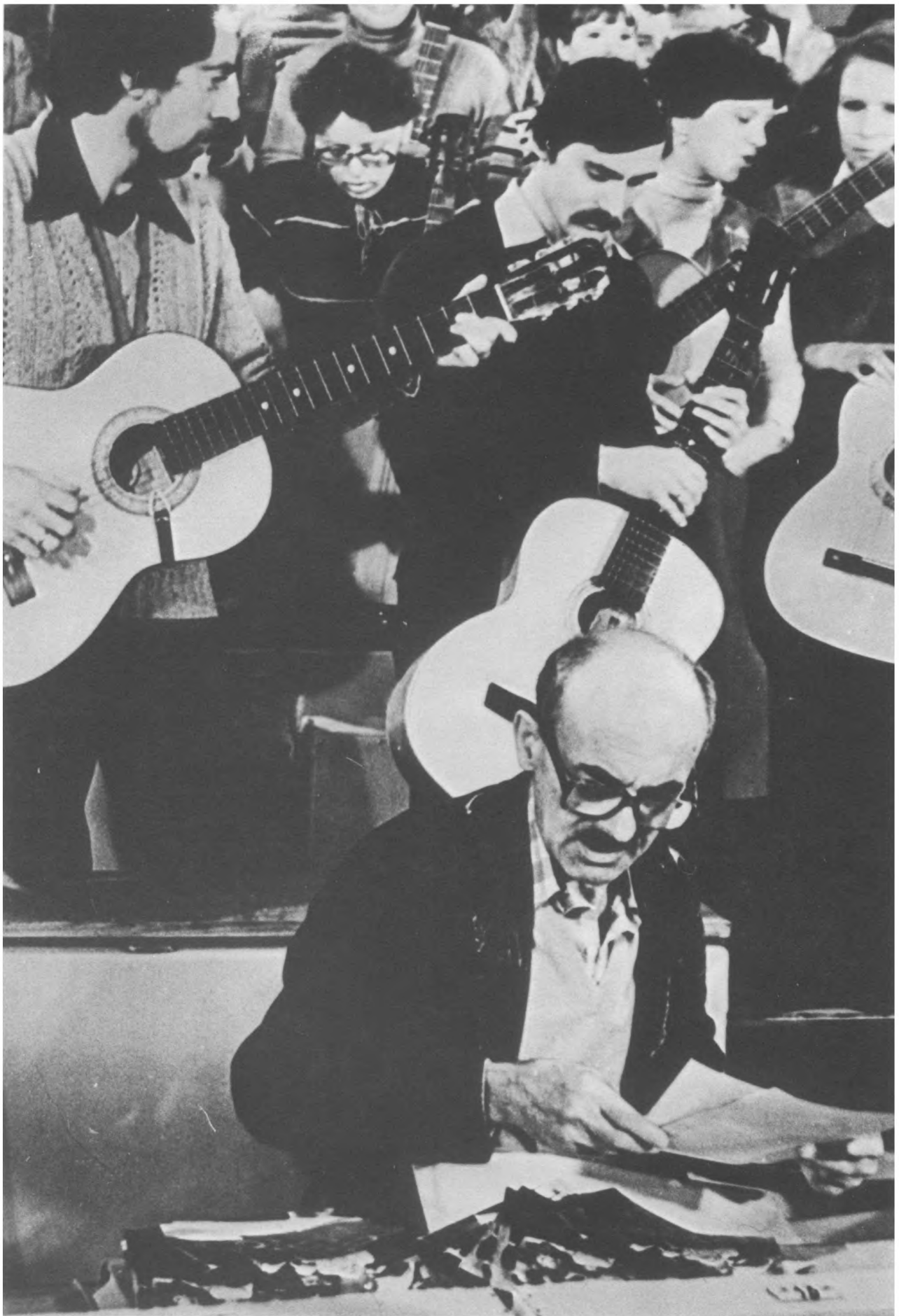
BULAT
OKUDZHAVA
SONGS VOLUME II

БУЛАТ
ОКУДЖАВА

ПЕСНИ ТОМ II

Музыкальная запись, редакция,
составление — ВЛАДИМИР ФРУМКИН

С участниками КСП (Клуб студенческой песни).
With members of the Student Song Club.

Булат ОКУДЖАВА

ПЕСНИ ТОМ II

Музыкальная запись, редакция,
составление — **ВЛАДИМИР ФРУМКИН**
Английский перевод — **Таня Вольфсон**
(стихотворения), **Кирстен Пейнтер, Лора**
Томпсон

Bulat OKUDZHAVA

SONGS VOLUME II

Musical arrangements, selection and editing by
VLADIMIR FRUMKIN

English translations by **Tanya Wolfson,**
Kirsten Painter, Laura Thompson

Ardis, Ann Arbor

Copyright © 1986 by Ardis Publishers
All rights reserved under International and Pan-American Copyright
Conventions.
Printed in the United States of America

Ardis Publishers
2901 Heatherway
Ann Arbor, Michigan 48104

Library of Congress Cataloging in Publication Data

Okudzhava, Bulat Shalvovich, 1924—
[Songs, guitar acc. Selections]
65 pesen = 65 songs.

Unacc. melodies, with guitar chords.
Russian words, with English translations.
Vol. 2 has title: Pesni.

Translations in v. 2 by Tanya Wolfson, Kirsten Painter,
and Laura Thompson.

“The second volume consists of 18 pieces written in the 80’s, and also 10
songs composed earlier which were not included
in the first collection”—Introd.

1. Music, Popular (Songs, etc.)—Soviet Union.
I. Frumkin, Vladimir.

M1757.18.04F8 80-17246

ISBN 0-88233-637-1 (v. 1)
ISBN 0-87501-021-0 (v. 2: alk. paper)
ISBN 0-87501-022-9 (v. 2: pbk.)

СОДЕРЖАНИЕ

Владимир Фрумкин — Предисловие 13

...Из тьмы Кремля ...Мой соплеменник пролетает мимо

Арбатское вдохновение, или Воспоминания о детстве 22 1984
Памяти брата моего Гиви 24 1984
Новое утро 26 1958
Настоящих людей так немного 28 1958

Клянусь, что это любовь была

В Барабанном переулке 32 1961
Он, наконец, вернулся в дом 36 1962
Шел троллейбус по улице 38 1961
Море Черное 40 1961
Заезжий музыкант 42 1969

Для чего мы пишем кровью на песке?

Шла война к тому Берлину 46 1966
Старинная солдатская песня 48 1974
Примета 50 1982
Дерзость, или Разговор перед боем 52 1984
Солнышко сияет 56 1984
Песня о молодом гусаре 58 1984

Я выселен с Арбата

Арбатский дворянин 64 1982
Я выселен с Арбата 66 1982
Приезжая семья фотографируется у памятника Пушкину 70 1967
Пиратская песня 72 1982

Жизнь была прекрасна, судя по докладам

Еще раз о дураках 80 1982
Римская империя времени упадка 84 1983
Министерство Союза писателей 88 1985

Поэту настоящему спасибо, Руке его, безумию его

О Володе Высоцком 94 1980
Как наш двор ни обижали 96 1981
Музыкант 100 1983
Кузнечик 104 1985
Мой почтальон 108 1985
Не будем хвастаться, что праведно живем 110 1983

Алфавитный указатель названий 112
Алфавитный указатель первых строк 112
Биографическая справка об авторе 114
Биографическая справка о составителе 116

С писательницей Агнешкой Осецкой в Варшаве (1978 г.)
With the writer Agnieszka Osiecka (1978).

CONTENTS

Vladimir Frumkin—Introduction 13

...Leaving His Cozy Kremlin Desk, ...My Tribesman Flies about Some Urgent Task

Arbat Inspiration, or Memories of Childhood 22 1984
In Memory of My Brother Givi 24 1984
A New Morning 26 1958
Real People Are So Very Rare 28 1958

I Swear to You, It Was Love

On the Drummer Street 32 1961
Finally He Returned to the House 36 1962
A Trolley Was Moving Down the Street 38 1961
The Black Sea 40 1961
A Visiting Musician 42 1969

Why Do We Write on the Sand with Blood?

To Berlin the War Did Steer 46 1966
An Old Soldier Song 48 1974
The Omen 50 1982
Impudence, or A Conversation before the Battle 52 1984
The Sun Is Shining 56 1984
Song of the Young Hussar 58 1984

I Am Evicted from Arbat

The Nobleman of Arbat 64 1982
I Am Evicted from Arbat 66 1982
A Visiting Family Is Being Photographed in front of the Pushkin Statue 70 1967
The Pirate Song 72 1982

Life Was Wonderful, Judging from the Reports

Once More about Fools 80 1982
The Roman Empire in Decline 84 1983
The Ministry of the Writers Union 88 1985

A Real Poet is a Gift from Heaven, Be Grateful for His Hand, for His Madness

Song of Vladimir Vysotsky 94 1980
Though They Really Hurt My Courtyard 96 1981
The Musician 100 1983
The Grasshopper 104 1985
My Mailman 108 1985
Let Us Not Boast of Our Righteous Lives 110 1983

Alphabetical Index of Titles 113
Biographical Note about the Author 115
Biographical Note about the Editor 116

Мурманск (1979 г.).
Murmansk (1979).

ВЛАДИМИР ФРУМКИН: ПРЕДИСЛОВИЕ

«...Я долго не писал стихов, как-то не мог, ничего у меня не выходило... Наконец, в прошлом году что-то во мне как бы проснулось, и стихи снова начали появляться. И это меня очень обрадовало, потому что, когда у меня есть готовое стихотворение, я беру гитару и... подбираю какую-нибудь мелодию. Так возникает песня. В эти последние годы я много раз брал в руки гитару, но никакой мелодии не появлялось — ничего, ну просто ничего... Ну, может, теперь уж пойдет легче».*

В этом признании поэта есть элемент художественного преувеличения: его молчание длилось не «долго», не «годы», а всего лишь год — 1978-й. Уже в начале 1979-го, в Америке, Булат Окуджава спел только что законченный «Еще один романс» — прекрасную песню, светло и грустно тоскующую о мире, где «страх не властен над годами». 1980-й и 1981-й принесли два песенных отклика на трагическую смерть Владимира Высоцкого (25 июля 1980 г).

А в начале 1982 года муза окончательно возвращается к поэту. Не покидает она его и по сей день. Сочиняются стихи, рождаются мелодии — одна за другой, почти как в самые богатые песнями 1957-1961 годы.

Этому новому расцвету и обязано появление настоящей книги — второй части американского издания песен Булата Окуджавы. Первый выпуск (*65 песен*, Ардис, Энн Арбор, 1980) охватывал 33 года песенной биографии поэта (1946-1979). Строился он хронологически: песни располагались примерно в том порядке, в каком они появлялись на свет.

Во 2-й том вошли 18 произведений, созданных в 80-е годы, а также 10 песен прежних лет, не включенных в предыдущий сборник. Расположены они на сей раз не по временному, а по тематическому признаку.

Темы, главным образом, знакомые — Арбат, любовь, война, чудо творчества и красота природы; невеселые раздумья о несовершенстве мира и краткости жизни, об умных и дураках...

Появляются и новые мотивы:

...В Дорогомилово из тьмы Кремля,
усы прокуренные шевеля,
мой соплеменник пролетает мимо.

Он — маленький, немьгый и рябой
и выглядит растерянным и пьющим,
но суть его — пространство и разбой
в кровавой драке прошлого с грядущим.
Его клеветы топчутся в крови...

Или:

Я выселен с Арбата, арбатский эмигрант.
В Безбожном переулке хиреет мой талант.
Кругом чужие лица, враждебные места.
Хоть сауна напротив, да фауна не та...

Или:

Римская империя времени упадка
сохраняла видимость твердого порядка.
Главный был на месте, соратники рядом.
Жизнь была прекрасна, судя по докладам...

*Из интервью с Б. Окуджавой, опубликованного под заголовком «Крик» в польском еженедельнике *Polityka*, Варшава, 8 октября 1983 года. По-русски опубликовано в парижском еженедельнике «Русская мысль» 24 ноября того же года (перевел с польского Л. Шатунов).

Новое в окуджавской лирике 80-х годов ощущается и в ее общем колорите — краски несколько сгустились, в столь характерной для поэта мягкой грусти поубавилось светлых оттенков. Горше стал юмор, ирония — более едкой, контрасты — резче:

Радостный день и объятия там, за порогом, —
горестный мрак и утраты в пещере моей.

Не удивительно, что сегодняшний Окуджава оценивает свои ранние песни как «очень наивные». В свое время, в конце 50-х — начале 60-х годов, эти песни «жарко воспринимались публикой... совпадали с общим настроением». Однако «новому поколению они, наверное, не так нужны». Что же думает поэт об этом новом поколении, о тех, для кого он пишет сегодня? Они, по его мнению, «гораздо выше нас тех. Они раскованнее, они не так наивны, они стараются сами мыслить. А это новая среда бытования искусства.

Сколько новых маленьких театров-студий возникает в наши дни, каждый со своими взглядами, со своим подходом. Идет поиск, идет эксперимент. А это и есть надежда. Так что считайте меня оптимистом, хотя стихи мои и песни грустные и сам я человек грустный».*

Надежда... Это слово было — до недавнего времени — одним из наиболее заметных в поэтическом мире Окуджавы. В сознании читателя оно ассоциировалось с безусловным Добром, с тем немногим, что помогает выстоять, ради чего стоит жить. «Не расставайтесь с надеждой, маэстро», — не то молил, не то заклинал поэт, обращаясь к Моцарту, к себе, к своему поколению.

Из окуджавской лирики 80-х годов слово «надежда» почти исчезло. Вдобавок, в одном из стихотворений оказывается, что наши надежды были вовсе и не нашими: они, как и все в нас и вокруг нас — наши судьбы, души, родина — лепились недобрыми руками «усача кремлевского»:

Он лепит — обстоятелен и тих —
меня, надежды, сверстников моих,
отечество... И мы на все готовы.

Что мне сказать? На все готов я был.
Мой страшный век меня почти добил...

Горькие слова, рожденные долгими годами опыта и раздумий. Горькие и правдивые. Пожалуй, лишь последняя строка не вполне соответствует реальности: «почти добил» — к счастью! — очередной образчик поэтического преувеличения. Булат Окуджава, 62-летний зачинатель неподцензурной русской «поющей поэзии», уверенно продолжает свой путь. И это отнюдь не движение по инерции, не усталое варьирование прежних счастливых находок. В его песнях последних лет проникает, наряду с новой тематикой, также и новая образность, новые интонации. Среди истинных удач поэта — «Арбатский дворянин» с его возвышенно-печальным лиризмом, «Дерзость, или Разговор перед боем» и «Песня о молодом гусаре» — две баллады, в которых с новой силой сталкивается жажда жизни и любви с жестокой и бессмысленной реальностью войны; «Римская империя времени упадка» и «Еще раз о дураках», где тонко переплетаются дух озорной, лукавой игры и горечь исторических наблюдений и аналогий; исполненный тихого восхищения перед тайной

*«Пятидесятые. Рассказывает Булат Окуджава», «Известия», 15 марта 1986.

художничества «Музыкант» (прихотливо и нежно льющаяся мелодия этой песни — одна из лучших у Окуджавы); глубоко личный, исповедальный по тону «Мой почтальон», притягивающий и тревожащий своей загадочностью...

Поэт исполняет свои новые песни с прежней раскованностью, ритмически и мелодически гибко, свободно, импровизационно. Как и в первом томе, я не стремился перенести на бумагу все детали окуджавской мелодики, передать все изменения, которые вносит поэт-певец в каждый следующий куплет или в каждое новое исполнение песни. Нотная запись песен Окуджавы — это всего лишь некая схема, допускающая более или менее разные трактовки. Можно — в разумных пределах — варьировать темп, ритм, мелодическую линию, гармонию, фактуру гитарного сопровождения.* Хорошее знание поэзии Окуджавы, ощущение ее стиля, чуткое отношение к авторской интонации, наконец, собственный вкус и чувство меры помогут читателю-исполнителю найти эти разумные пределы.

Помимо песен и стихотворений в книгу включены устные и письменные высказывания поэта, относящиеся к 1979-1986 годам.

Я глубоко признателен газете «Нью-Йорк Таймс» за любезное разрешение процитировать ее интервью с Булатом Окуджавой, опубликованное 16 декабря 1979 года.

Самых теплых слов благодарности заслуживают мои друзья, коллеги, студенты, оказавшие мне неоценимую помощь в подготовке этой книги. Это — Елена Сокол, Таня Вольфсон, Наталия Линкольн, Кирстен Пейнтер, Лора Томпсон, Валерия Ноллан, Ричард Борден.

Оберлин, Огайо, апрель 1986

Условные знаки, используемые в нотном тексте

⊕ — этот знак направляет вперед и обозначает заключительный раздел песни.

⋈ — этот знак указывает на необходимость вернуться к одному из предыдущих разделов песни.

*В помощь читателю, владеющему гитарой, нотный текст — помимо буквенных символов, обозначающих гармонию, — снабжается образцом (своего рода эскизом) гитарного сопровождения. Там, где приводятся не одна, а две-три фигуры аккомпанемента, разделенные двойной чертой (как в песне «Римская империя времени упадка»), каждую из них рекомендуется использовать в разных куплетах.

Фестиваль КСП (Клуба студенческой песни).
Festival of the Student Song Club.

VLADIMIR FRUMKIN: INTRODUCTION

“...I didn’t write poetry for a long time because somehow I couldn’t. I couldn’t produce anything... Finally, last year something inside of me awoke and poems began to materialize again. This made me very happy because when I complete a poem I take my guitar and... I make up a melody. That’s how a song appears. These past few years I have often picked up the guitar but have had nothing come to me—nothing, just nothing. Well, maybe now it will be easier.”*

In these words, which Bulat Okudzhava spoke to the Polish journalist Anna Zebrowska in 1983, there is an element of artistic exaggeration: his silence did not last “long,” it did not last for “years,” but for only one year—1978. Already in the beginning of 1979, while Okudzhava was in America, he sang a piece he had just completed, “Song of Lady Fair.” It was a beautiful song which lightly and sadly longed for the world in which “fear does not have power over the years.” From the years 1980 and 1981 emerged two musical reactions to the tragic death of Vladimir Vysotsky (July 25, 1980).

Finally, in the beginning of 1982 his muse fully returned to the poet, and to this day she has not abandoned him. Verses are composed and melodies are born, one after another, almost as they were during the especially fruitful years 1957-1961.

This book (the second volume of an American edition of Okudzhava’s songs) owes its appearance to the new flourishing of Okudzhava’s poetry. The first volume (*65 Songs*, Ann Arbor: Ardis, 1980) embraced thirty-three years of the song biography of the poet, from 1946-1979. The songs were arranged chronologically, that is, in approximately the order in which they were composed.

The second volume consists of eighteen pieces written in the 1980s, and also ten songs composed earlier which were not included in the first collection. This time, however, they are not arranged chronologically, but are organized thematically.

The themes are basically familiar: Arbat, love, war, the miracle of art, the beauty of nature, as well as sad thoughts of the imperfection of the world, of the shortness of life, of the wise and of the fools...

However, new motifs appear:

... Meanwhile, leaving his cozy Kremlin desk
my tribesman flies about some urgent task,
the famous moustache black, ready to smolder.

He is quite short, unwashed, his face pockmarked,
and he looks lost and slightly drunk to boot.
But his true essence is the deadly dark
of past and future, locked in a bloody feud.
In bloody mud his flunkys squirm and shove...

Or:

Evicted from Arbat, I’m an emigrant today.
In Bezbozhny Alley my talent went astray.
The strangers hurry by me in hundreds all day long.
Though a sauna is right here, the fauna is all wrong.

*From an interview entitled “Cry” for the weekly Polish magazine *Polityka*, Oct. 8, 1983, Warsaw. Published in Russian in the weekly newspaper *Russkaya mysl*, Nov. 24, 1983. Translated from Polish to Russian by L. Shatunov.

Or:

The Great Roman Empire in her declining years
maintained the most perfect, most orderly appearance.
The leader looked impressive with his comrades and abettors,
official news declared life couldn't have been better.

The new quality in Okudzhava's poetry of the 80s can also be sensed in its overall tone—the colors became darker, and in the poet's typical soft sadness the light hues became fewer. His humor became more bitter, his irony more caustic, his emotional contrasts more sharp:

Smiles and embraces are flourishing there outside—
nothing but sadness and loss can be found in my cave.

It is not surprising that today's Okudzhava evaluates his earlier songs as “very naive.” In their time, the late 50s to the early 60s, these songs were “enthusiastically received by the public...they coincided with the general mood.” However “the new generation probably doesn't need them as much.” What does the poet think of this new generation, about those for whom he writes today? They, in his opinion, “are of a higher quality than we were. They are more relaxed, not as naive, they try to think for themselves. And this is a new environment for the existence of art.”

So many new little theaters and studios are appearing in our days, each with its own point of view, with its own approach. An artistic search is going on, an experiment. And this gives hope. So, consider me an optimist, although my verses and songs are sad and I am a sad person.*

Hope. Until recently this word used to be one of the most important words in the poetic world of Bulat Okudzhava. In the reader's consciousness it was associated with the indisputable good and the few things that help one to endure and go on living. “Don't abandon hope, maestro,” the poet either implored or evoked, addressing Mozart, himself, and his generation.

The word “hope” almost disappeared from Okudzhava's poetry of the 1980s. In addition, in one of the poems it turned out that our hopes were not, in fact, our own. They, as well as everything in us and around us—our fates, souls, and motherland—were formed by the unkind hands of the omnipresent “Kremlin mustached one”:

For many days he works without end
creating me, my hopes and my friends,
our motherland...and we stand ready.

What can I say? Thus I stood ready too.
... My evil age has almost burned me through...

These are bitter words, born of long years of experience and contemplation. Bitter and truthful. Perhaps, only the last line does not entirely correspond to reality: “almost burned through,” fortunately, is one more example of poetic exaggeration. Bulat Okudzhava, the sixty-two-year-old founder of uncensored Russian “sung poetry,” confidently follows his path. And this is by no means a movement of inertia, nor a tired variation of the poet's former, happier achievements. Into his poem-songs of

*“The 1950s. Bulat Okudzhava Speaks,” *Izvestiya*, March 15, 1986.

the last few years penetrate (along with the new themes) new imagery and new intonations. Among his genuine accomplishments are “The Noblemen of Arbat” with its elevated, wistful lyricism; “Impudence, or Conversation before the Battle” and “Song of a Young Hussar,” two ballads in which the thirst for life and love clashes more vigorously than ever before with the brutal and senseless reality of war; “The Roman Empire in Decline” and “Once More about Fools,” where the spirit of a mischievous, cunning game and the bitterness of historical observations and analogies are subtly intertwined; “The Musician,” which is full of a quiet admiration before the mystery of artistry (the intricately and tenderly flowing melody of this song is one of Okudzhava’s best); and “My Mailman,” which is deeply personal, with a confessional tone, and attracts and troubles one by its mysteriousness.

The poet sings his new songs with his former informal quality: rhythmically and melodically flexible, in an improvisational manner. As in the first volume, I did not attempt to put down on paper all the details of Okudzhava’s melodic. Nor did I try to convey all the musical changes that he makes from verse to verse or from performance to performance. The written notation of Okudzhava’s songs is only a general scheme which permits more or less different interpretations. It is possible, within reasonable boundaries, to vary the tempo, the rhythm, the melodic line, the harmony or the pattern of the guitar accompaniment.* A good knowledge of Okudzhava’s poetry, a sense of its style, an acute attention to the author’s intonation, and, finally, personal taste and a sense of moderation will help the performer find these reasonable boundaries.

In addition to these songs and poems, the book includes oral and written statements made by the poet between 1979 and 1986.

I am very grateful to *The New York Times* for allowing me to quote its interview with Bulat Okudzhava which was published on December 16, 1979. My friends, students, and colleagues deserve my warmest words of thanks for their invaluable help in preparing this book. These are Elena Sokol, Tanya Wolfson, Natalia Lincoln, Kirsten Painter, Laura Thompson, Valerie Nollan, Richard Borden.

Signs in the Music

- This sign directs forward and indicates the ending of the piece.
- This sign indicates a repetition of one of the preceding sections.

*In order to help the reader who plays guitar, each song—in addition to letter symbols designating harmony—is provided with a pattern for the guitar accompaniment, used in the given song by its author. In the places where more than one pattern is given, each divided by a double bar (as in the song “The Roman Empire in Decline”), each of the patterns can be used in different stanzas.

Дома.
At home.

Мои родители были профессиональными революционерами. До 1917 года они работали в грузинском подполье, а после революции участвовали в гражданской войне. В 1923 году мой отец стал студентом Коммунистической Академии в Москве. Мы поселились на Арбате, в старейшем районе города. Позже Хрущев наполовину снес его, чтобы расчистить место для уродливых небоскребов. К сожалению.

В 1937 году мои родители были «репрессированы», как тогда говорили. За что? Без всяких причин. Когда Сталин захватил власть, он просто избавился от всех своих друзей, они были не нужны ему больше. Как Гитлер. Как Мао Цзедун. Сталин был бандитом.

Это было время, — ужасное время, — когда мы создали в Советском Союзе новый тип человека. Я был одним из них. Я был воспитан в духе партийной религии. Когда партия сказала, что мой отец — немецкий и японский шпион, я поверил, что он виновен.

Мою мать забрали тоже, и я с братом стал жить у бабушки. Она получала пенсию — 30 рублей в месяц... Единственной моей одеждой, которую я носил в любые холода, был тонкий плащ.

Когда я заканчивал 9-й класс школы, началась война, и я пошел добровольцем на фронт в возрасте 17-ти лет. Я был ранен и вернулся довольно скоро. Я учился на филологическом факультете Московского университета,* но как сын «врагов народа», я не мог получить работу в Москве. Мне пришлось поехать в маленькую деревню недалеко от Калуги, где я нашел работу школьного учителя.

Я знал, что моя мать была в ссылке, и я пытался выяснить, что стало с моим отцом, пробовал найти его. Наконец, в 1946 году мне прислали открытку, в которой говорилось, что мой отец был приговорен к десяти годам тюрьмы «без права переписки». Это был эвфемизм, означавший, что человек был расстрелян. Но я тогда не знал об этом.

Мой отец был реабилитирован посмертно после 1953 года. В кабинете военного прокурора в чине генерала состоялась небольшая церемония.

Генерал дал мне листок бумаги с фамилией моего отца и с пометкой, что он был «физически ликвидирован». Я спросил, нет ли в деле моего отца семейных фотографий, конфискованных при аресте, и не могу ли я получить их. Генерал, преисполненный сочувствия и печали, сказал мне: «бедный молодой человек, не было никаких дел — просто списки фамилий».

Мать вернулась в Москву. Ей дали маленькую квартиру в виде «компенсации за лишения».

Мое поколение было наивным. Мы слишком много говорили и слишком мало знали.

Новое поколение ничего не знает о Сталине. Все, что они знают, они услышали от родителей, увидели в кино или по телевидению. Но только положительную сторону. Отрицательные стороны от них скрывают, к сожалению. Я считаю, что это вредно. Сталин был болезнью. Чтобы ее вылечить, надо о ней говорить. Подавление дискуссии нарушает дух партийных решений — словно бы XX съезда партии, состоявшегося в 1956 году, вообще никогда не было. Нам нужно воспитать новое поколение людей, которые мыслят самостоятельно, независимо. Это не помешает настоящему патриотизму. Наоборот. Моим сыновьям сейчас 26 и 15. Они не очень-то хотят знать о сталинизме. Может быть, они заинтересуются им больше, когда им станет 30.

Я не думаю, что история повторяется. Люди России сегодня значительно теснее связаны с остальным миром, чем в мое время. История сама залечивает свои собственные раны. Повторим ли мы, повторит ли новое поколение сталинские методы? Надеюсь, что нет. Надеюсь, что нет.

Крейг Р. Уитни, «К дню рождения Сталина. Три советских писателя вспоминают», «Нью-Йорк Таймс», 16 декабря 1979. (Обратный перевод с английского).

*Ошибка: Окуджава закончил (в 1950 г.) филологический факультет Тбилисского университета.

My parents were professional revolutionaries. They worked in the underground in Georgia before 1917, and they took part in the Civil War there afterward. In 1923 my father came to study at the Communist Academy in Moscow, and we lived in the Arbat, the oldest section of the city. Khrushchev tore half of it down later to make room for some ugly skyscrapers. Unfortunately.

In 1937 my parents were “repressed,” as the phrase went then. Why? No reason. When Stalin took power, he just got rid of all his friends, he didn’t need them any more. Like Hitler. Like Mao Zedong. Stalin was a bandit.

That was a time—a terrible time—when we created in the Soviet Union a new type of human being. I was one of them. I was raised in the religion of the party. When the party said my father was a spy for the Germans and the Japanese, I believed he must be guilty.

They took my mother away too, so my brother and I went to live with my grandmother. She had only 30 rubles a month pension. All I had to wear, no matter how cold it was outside, was a thin raincoat.

As I was finishing the ninth grade, the war began, so at the age of 17, I volunteered for the front. I was wounded, and I came back early. I studied philology at the university in Moscow,* but as a son of “enemies of the people,” I couldn’t get a job here. I had to go to a small village near Kaluga, and I found work there teaching Russian.

I knew my mother had been sent to exile, and after the war I kept trying to find out what had happened to my father, trying to get in touch with him. Finally in 1946, they sent me a card saying he had been “sentenced without the right to correspondence.” That was the euphemism used for people who had been executed. But I didn’t realize it until years later.

My father was rehabilitated posthumously, after 1953. There was a little ceremony at the military procurator-general’s office.

The general gave me a piece of paper, with my father’s name and the notation that he had been “physically liquidated.” I asked whether in the file on my father’s case there were some family pictures that had been seized, and whether I could have them back. The man told me, very fully of sympathy and sadness, “my poor man, there were no files. Just lists of names.”

My mother came back to Moscow. They gave her a small apartment, “as compensation for suffering.”

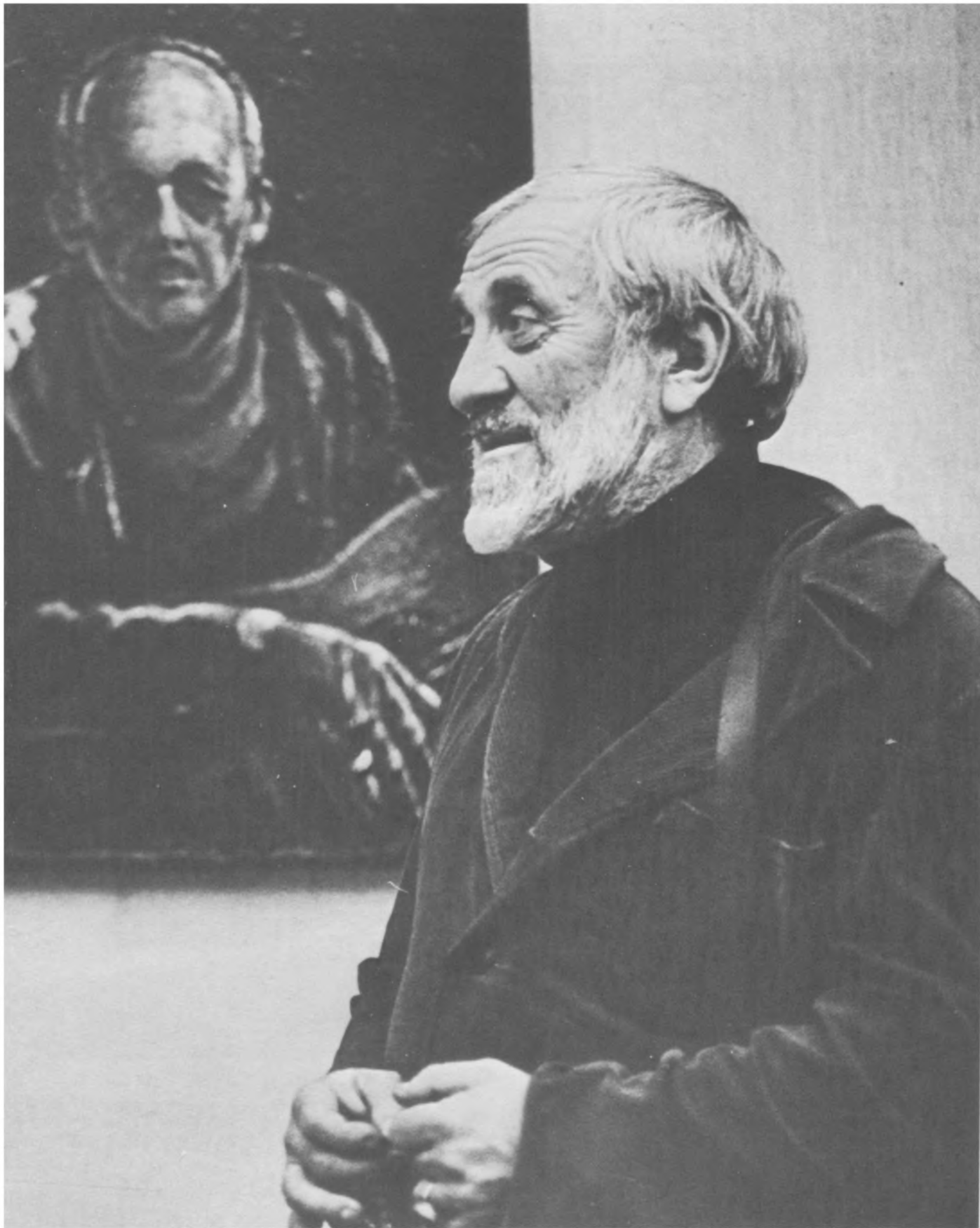
My generation was naive. We talked too much. We knew too little.

The new generation doesn’t know about Stalin at all. What they know, they heard from their parents, from films, from television. But only the positive side. The negative aspects are suppressed, unfortunately. I think this is harmful. Stalin was a sickness. To cure it we have to talk it out. Suppressing the discussion violates the spirit of earlier party decisions. It’s as though the 20th party congress in 1956 had never taken place. We need now to raise a new generation of people who think for themselves, independently. This won’t hinder genuine patriotism. On the contrary. My two sons are 26 and 15. They don’t want to know very much about Stalinism now. Maybe they’ll get more interested when they’re 30.

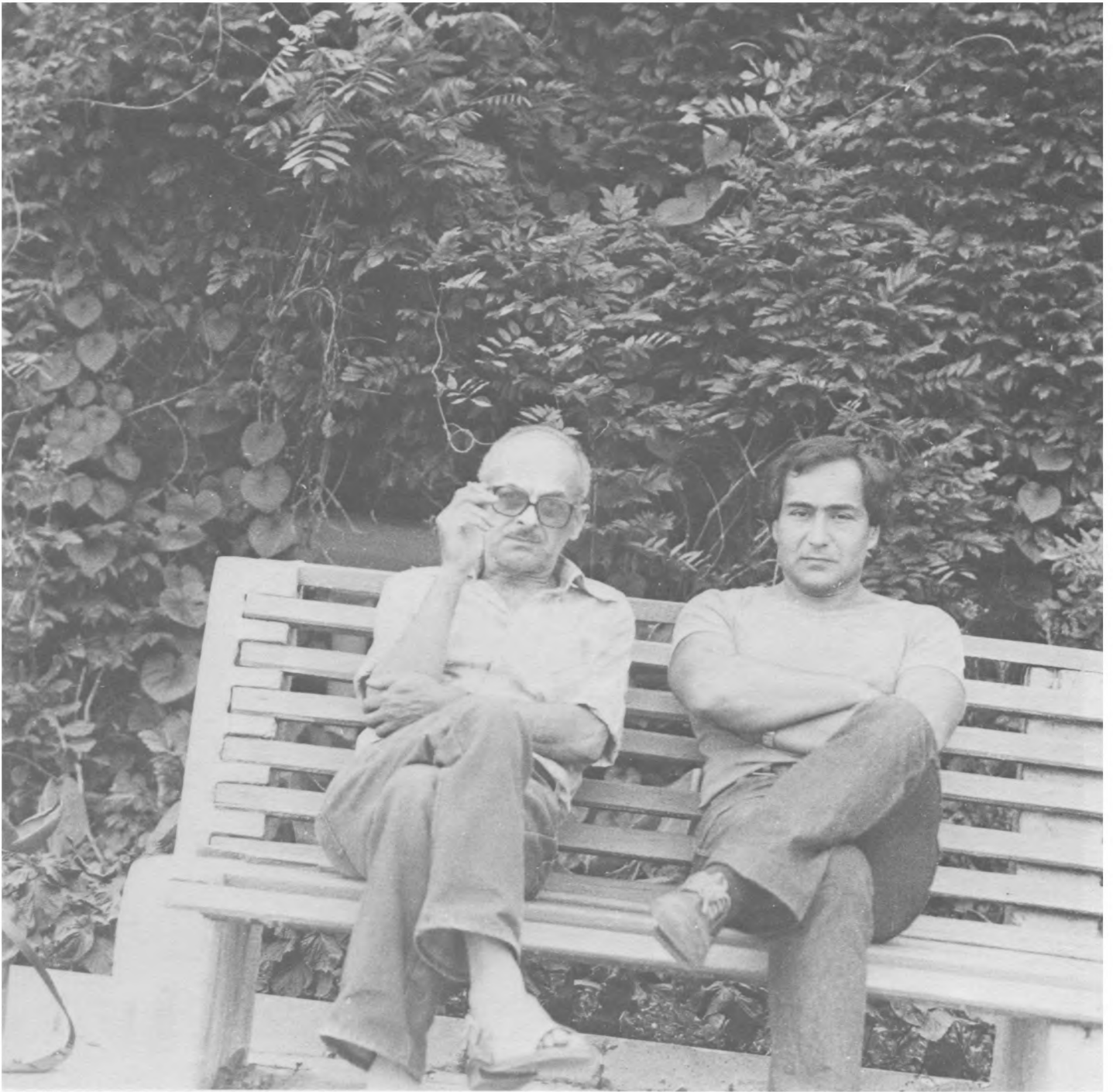
I don’t think history will repeat itself. We in Russia today are very much more closely linked with the rest of the world than we were in my time. History binds up its own wounds. Will we, will the younger generation repeat Stalin’s methods? I hope not. I hope not.

Craig R. Whitney, “On Stalin’s Birthday, Three Soviet Writers Speak Memories,” *The New York Times*, Sunday, December 16, 1979.

*A mistake: Okudzhava graduated (in 1950) from the University of Tbilisi (Georgia).

Художник Я. Левенштейн у созданного им портрета Б. Окуджавы.
The painter Ya. Levenshtein by his portrait of B. Okudzhava.

С автором снимков В. Крохиным.
With the photographer V. Krokhin.

**...ИЗ ТЬМЫ КРЕМЛЯ
...МОЙ СОПЛЕМЕННИК ПРОЛЕТАЕТ МИМО**

**...LEAVING HIS COZY KREMLIN DESK,
...MY TRIBESMAN FLIES ABOUT SOME URGENT TASK**

АРБАТСКОЕ ВДОХНОВЕНИЕ, или ВОСПОМИНАНИЯ О ДЕТСТВЕ

ARBAT INSPIRATION, Or Memories of Childhood

Again I stubbornly repeat these words:
my childhood teacher was my Arbat Court,
everything counted—

from gold to filth.

(And if my sentences once in a while
take on a fancy flowery style,
that comes from love.

What harm is done by this?)

Easy to see for anyone who comes:
against the background of human slums,
Alim the caretaker's square shoulders.
...Meanwhile, leaving his cozy Kremlin desk
my tribesman flies about some urgent task,
the famous moustache black, ready to smolder.

He is quite short, unwashed, his face pockmarked,
and he looks lost and slightly drunk to boot.

But his true essence is in the deadly dark
of past and future, locked in a bloody feud.
In bloody mud his flunkys squirm and shove...
"So where are the grounds for your love?"
you'll ask, starting a typical dispute.

What can I say?

My life had just begun.

There was still time before we heard the guns,
there was still a mystery in dark gateways.
I still lived by the rules my courtyard listed,
and I did not suspect that death existed
(just as I do not doubt it today).

What can I say?

I truly loved this place:
its wretchedness, the freedom of its ways,
the smells of a cheap dinner were appealing.
My love for the Kremlin was then in full force,
I loved the moustached leader, and of course
I loved myself for those noble feelings.

He sat, hunched over a potter's wheel
and shaped a piece of clay with quiet skill,
then put a piece of wire in for safety.
For many days he worked without end
creating me,

my hopes and my friends,
our motherland...
and we stood ready.

АРБАТСКОЕ ВДОХНОВЕНИЕ, или Воспоминания о детстве

Упрямо я твержу с давнишних пор:
меня воспитывал арбатский двор,
все в нем —

от подлого до золотого.

(А если иногда я кружева
накручиваю на свои слова,
так это от любви.

Что в том дурного?)

На фоне непросохшего белья —
руины человеческого жилья,
крутые плечи дворника Алима.
...В Дорогомилово из тьмы Кремля,
усы прокуренные шевели,
мой соплеменник пролетает мимо.

Он — маленький, немывтый и рябой,
и выглядит растерянным и пьющим.
Но суть его —

пространство и разбой
в кровавой драке прошлого с грядущим.
Его клеветы топчутся в крови...
«Так где же почва для твоей любви?» —
вы спросите с сомнением,
вам присущим.

Что мне сказать?

Я только лишь пророс...
Еще далече до военных гроз,
еще загадкой манит подворотня,
еще я жизнь сверяю по двору
и не подозреваю, что умру,
как в том не сомневаюсь я сегодня.

Что мне сказать?

Еще люблю свой двор —
его убогость и его простор,
и аромат грошового обеда.
И лну душой к заветному Кремлю,
и усача кремлевского
люблю,
и самого себя
люблю за это.

Он там сидит,
изогнутый в дугу,
и глину разминает на кругу,
и проволочку тянет для основы.
Он лепит —
обстоятелен и тих
меня, надежды, сверстников моих,
отчество...
И мы на все готовы.

What can I say?

Thus I stood ready too.

...My evil age has almost burned me through.

But now in my son the point lies.

His age is just as cruel, no less.

But he has learned to sneer, I confess,
one couldn't pull the wool over his eyes.

Right now, of course, his weaknesses are grave,
but he is a martyr, not a proud slave;
he's armed and dangerous, and that's not all—
clay doesn't last forever, as we know,
and that which I lost many years ago
he found underneath the Kremlin wall.

Что мне сказать?

На все готов я был.

...Мой страшный век меня почти добил.

Но речь не обо мне,

она — о сыне.

И этот век не менее жесток.

А между тем насмешлив мой сынок,
его не облапошить на мякине.

Еще пока он, правда, хил и слаб,
но он страдалец, а не гордый раб;
не безопасен и не безоружен.
А глина ведь не вечный материал.
...И то, что я когда-то потерял,
он под стеной кремлевской обнаружил.

С сыном перед дальней поездкой (1981 г.).
Preparing for a long trip with his son (1981).

ПАМЯТИ БРАТА МОЕГО ГИВИ

IN MEMORY OF MY BROTHER GIVI

In the turmoil of our living,
standing on a narrow rung,
you have lost your balance, Givi,
slender, gentlehearted, young.

Who pushed you down into nowhere
without even the last glance,
as though pushing a glass over—
nothing much, just sheer chance?

Our wars ended years ago,
what caused your destruction then?
Fate, or rumors hissing low,
the dead and pockmarked leading man?

How strange that even now,
buried deeper than before,
from the screens he bows his brow...
Givi, you are no more.

As though someone pushed a lever,
quiet grew the guardsmen's cry.
But your wound, still large as ever,
does not heal as years go by.

Who will be that chosen other,
like you, off cliffside flung?
Sleep my snow-haired brother—
slender, gentlehearted, young.

ПАМЯТИ БРАТА МОЕГО ГИВИ

На откосе, на обрыве
нашей жизни удалой
ты не удержался, Гиви,
стройный, добрый, молодой.

Кто толкнул тебя с откоса,
не сказав тебе «прощай»,
будто рюмочку с подноса,
будто вправду невзначай?

Мы давно отвоевали...
Кто же справился с тобой?
Рок ли, время ли, молва ли,
вождь ли, мертвый и рябой?

Он и нынче, как ни странно,
— похоронен и отпет, —
усмехается с экрана,
а тебя в помине нет.

Стих в предгорьях Магадана
лай сторожевых собак,
но твоя большая рана
не затянется никак.

И кого теперь с откоса
по ранжиру за тобой?
Спи, мой брат беловолосый,
стройный, добрый, молодой!

Гиви — двоюродный брат. Студентом в 1938 году попал в лагерь на Колыму. Отбыл срок. Жил на поселении. Вернулся в 1956 году больной, израненный, гордый. Работал инженером в тресте. Медленно умирал.

(Из частного письма)

Givi was my cousin. [In Russian it is possible to refer to one's cousin as "brother."] In 1938, when he was a student, he was put in a labor camp in Kolyma. After serving his term, he lived in exile. He came back in 1956 as an ill and wounded but proud man. He worked as an engineer and was slowly dying.

(From a private letter.)

Слет КСП (Клуба студенческой песни) под девизом «Возьмемся за руки, друзья» (строка из песни Б. Окуджавы «Союз друзей»).
A rally of the Student Song Club that went under the motto "Let's join hands, friends" (a line from B. Okudzhava's song "The Brotherhood of Friends").

НОВОЕ УТРО

Accompaniment

Andante

1. Не кло- нись- ка ты, го- ло- вуш- ка,
от невз- год и от о- бид. Ма- ма, бе- ла- я го-
лу- буш- ка, ут- ро но- во- е го- рит.

1. Dm A7 Dm
F C7 F F* Gm

2. ут- ро но- во- е го- рит. 2. Все о- но смы- ва- ет
на- чис- то, все раз- гла- жи- ва- ет ВНОВЬ...

A7 Dm C7 F

От- сту- па- ет о- ди- но- чест- во, воз- вра- ща- ет- ся лю-
бовь // воз- вра- ща- ет- ся лю- бовь. 3. И слад- ки, как в пол- день

1. Dm A7 Dm Dm

2. Dm A7 Dm Dm

* Dm in repeat.

па- се- ки, как из дет- ства- го- ло-
 -са, тво- и ру- ки, тво- и пе- сен- ки,
 тво- и веч- ны- е гла- за. Тво- и ру- ки, тво- и
 пе- сен- ки, тво- и веч- ны- е гла- за.

A NEW MORNING

1. Do not bend so low, poor head,
under hardships new and old.
Mama, darling mine, look up ahead.
Watch the new dawn sparkle gold.
2. The new morning works without rest,
cleans the whole world anew.
Loneliness melts down into the past,
then true love comes shining through.
3. And sweet, like fresh honey of the field,
like the childhood smiles and sighs,
are your songs, your hands so kind and skilled,
your eternal loving eyes.

НОВОЕ УТРО

1. Не клонись-ка ты, головушка,
от невзгод и от обид.
Мама, белая голубушка,
утро новое горит. 2 раза
2. Все оно смывает начисто,
все разглаживает вновь...
Отступает одиночество,
возвращается любовь. 2 раза
3. И сладки, как в полдень пасеки,
как из детства голоса,
твои руки, твои песенки,
твои вечные глаза. 2 раза

Мама отсутствовала с 1937 года по 1955 (по причине 1937г. — немецко-японская шпионка, троцкистская двурушница и т.п.).

(Из частного письма)

My mother was absent from 1937 to 1955 (as a result of 1937—German-Japanese spy, Trotskyite double agent, and so on).

(From a private letter)

НАСТОЯЩИХ ЛЮДЕЙ ТАК НЕМНОГО

Accompaniment

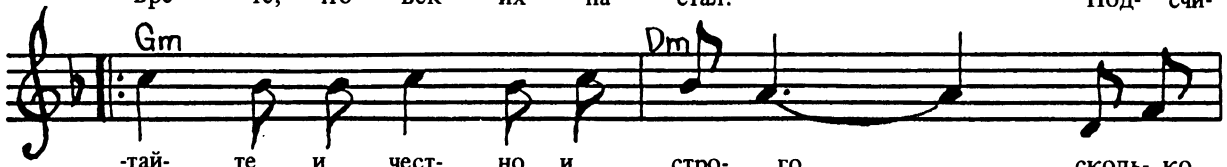
Moderato

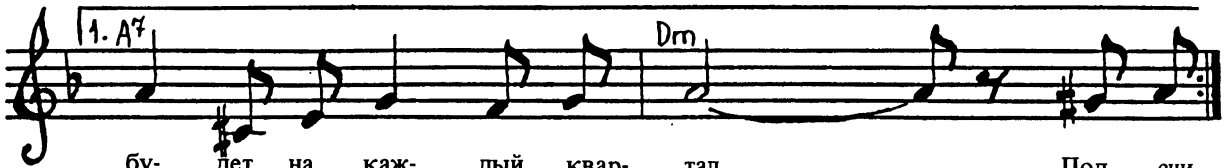
1. На-сто-я-щих лю-дей так не-мно-го, все вы

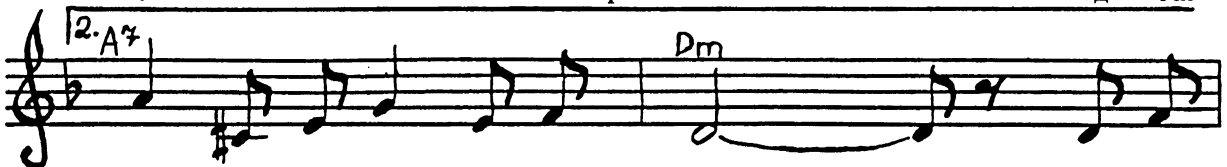
вре-те, что век их на-стал. Под-счи-

-тай-те и чест-но, и стро-го, сколь-ко

бу-дет на каж-дый квар-тал... Под-счи-

бу-дет на каж-дый квар-тал. 2. На-сто-

-я-щих лю-дей о-чень ма-ло; на пла-

-не-ту — сов-сем е-рун-да. На Рос-

Gm Dm

-си- ю — од- на мо- я ма- ма, толь- ко

1. A7 Dm

что о- на мо- жет од- на? На Рос-

2. A7 Dm

что о- на мо- жет од- на?

REAL PEOPLE ARE SO VERY RARE

1. Real people are so very rare.
You keep lying that their time has come.
Come now, count them up everywhere,
tell us honestly, what is the sum?
2. Real people are so few in number.
For the planet it's too small to tell.
For Russia there's only my mama,
but what can she do by herself?

НАСТОЯЩИХ ЛЮДЕЙ ТАК НЕМНОГО

1. Настоящих людей так немного,
все вы врете, что век их настал.
Подсчитайте и честно, и строго, 2 раза
сколько будет на каждый квартал...
2. Настоящих людей очень мало;
на планету — совсем ерунда.
На Россию — одна моя мама, 2 раза
только что она может одна?

— *Вы много поете о современной жизни. Вас в ней что-то не устраивает.*

— Ну, а разве есть такой человек, которого бы все устраивало? Конечно, многое не устраивает. В нашей жизни очень много несовершенств и печальных сторон — разве это может устраивать нормального человека? Ну, я пою не только об этом и пишу не только об этом, конечно, но это как-то я выражаю в том, что я делаю в своей работе, это естественно.

(Из ответов на записки из зала, Ленинградский Дом писателей, 1984. Выступление Окуджавы перед молодежной аудиторией было заснято ленинградской студией телевидения и — в сокращении — передано в эфир в том же году).

Q: You often sing about contemporary life. Are you dissatisfied with it in some way?

A: Well, is there anyone who is satisfied with everything? Of course, there are many things that dissatisfy me. Contemporary life has many imperfections and many unhappy sides. Can this really satisfy any normal person? I don't only write and sing about that, of course, but on the other hand, it's only natural that I somehow express this in my work.

From answers to written questions, Leningrad House of Writers. (The performer usually receives questions from the audience in written form.) This appearance of Okudzhava before a young audience was filmed by the Leningrad television station in 1984 and an edited version was broadcast in the same year.

С С. НИКИТИНЫМ (1983 г.).
With S. Nikitin (1983).

Песни Булата Окуджавы — это наша жизнь, это воздух, которым мы питаемся, дышим, и если есть для нас какие-то идеалы сегодняшнего дня, мы считаем, что они все сформулированы в поэзии Булата Окуджавы.

— Татьяна Никитина, исполнительница (в дуэте с мужем, Сергеем Никитиным) песен Булата Окуджавы.
(Ленинградский Дом писателей, 1984)

The songs of Bulat Okudzhava—they are our life, they are the air that we breathe and consume. If there are any ideals left to us nowadays, we can find them in Bulat Okudzhava's poetry.

—Tatiana Nikitina, who performs Bulat Okudzhava's songs with her husband, Sergei Nikitin.
(Leningrad House of Writers, 1984)

КЛЯНУСЬ, ЧТО ЭТО ЛЮБОВЬ БЫЛА

I SWEAR TO YOU, IT WAS LOVE

В БАРАБАННОМ ПЕРЕУЛКЕ

Allegretto, March-like.
(Guitar)

1. В ба- ра- бан- ном пе- ре-
-ул- ке ба- ра- бан- щи- ки жи- вут. По- ут-
-ру о- ни как вста- нут, ба- ра- ба- ны как возь- мут,
как у- да- рят в ба- ра- ба- ны, две- ри
на- стезь от- во- ря... А где же,
где же, ба- ра- бан- щик, ба- ра- бан- щи- ца тво- я?
А где же, где же, ба- ра- бан- щик, ба- ра-

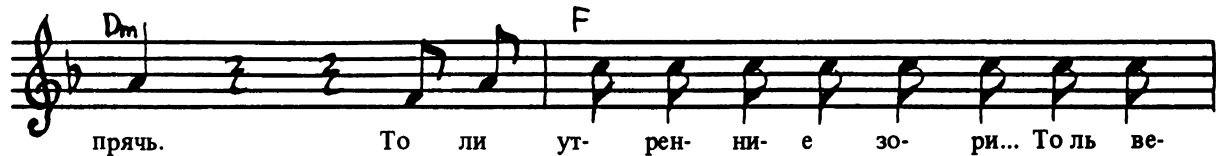
-бан- щи- ца тво- я? 2. В Ба- ра-

-бан- ном пе- ре- ул- ке ба- ра- бан- щик нет, хоть плачь.

Лишь гро- хо- чут ба- ра- ба- ны не- на- сыт- ны- е, хоть

прячь. То ли ут- рен- ни- е зо- ри... То ль ве-

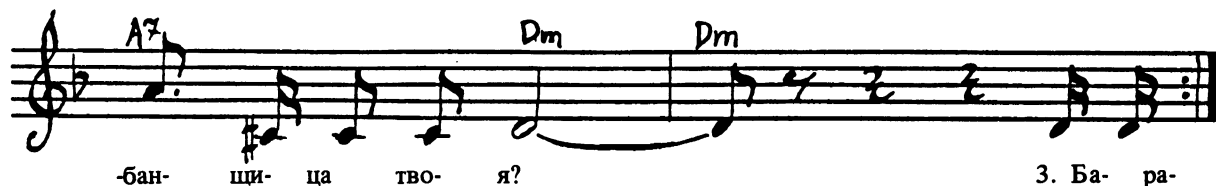
-чер- ня- я за- ря... А где же,

где же, ба- ра- бан- щик, ба- ра- бан- щик- ца тво- я?

А где же, где же, ба- ра- бан- щик, ба- ра-

-бан- щик- ца тво- я? 3. Ба- ра- 4. А в со-

ON THE DRUMMER STREET

1. Drummers lived for many years on the famous Drummer street. Every morning their drums would start a loud, merry beat. Through the open doors and windows drumbeat greets the sleepy world...
Drummer, drummer, listen drummer, where is your drummer girl?

В БАРАБАННОМ ПЕРЕУЛКЕ

1. В Барабанном переулке барабанщики живут. Поутру они как встанут, барабаны как возьмут, как ударят в барабаны, двери настежь отворя...
А где же, где же, барабанщик, барабанщица твоя? 2 раза

<p>2. No drummer girls are living on the Drummer street, that's sad.
Just the hungry drums are beating their sides away, like mad.
In the morning, in the evening, every day you hear them roll...
Drummer, drummer, listen drummer, where is your drummer girl?</p> <p>3. A drummer tied a pretty ribbon to his drum's worn-out side.
Ordered reveille to sound loud and clear, to match his stride.
And away marched our drummer hiding something in his soul...
Drummer, drummer, listen drummer, where is your drummer girl?</p> <p>4. On the street right next to Drummer, drummer girls have lived
for years.
They are so sweet and pretty their neighbors call them "dears."
And to meet them drummers only have to take a little stroll...
But drummer, drummer, listen drummer, where is your drummer girl?</p> | <p>2. В Барабанном переулке барабанщиц нет, хоть плачь.
Лишь грохочут барабаны ненасытные, хоть прячь.
То ли утренние зори... То ль вечерняя заря...
А где же, где же, барабанщик, барабанщица твоя? 2 раза</p> <p>3. Барабанщик пестрый бантик к барабану привязал,
барабану бить побудку, как по буквам, приказал
и пошел по переулку, что-то в сердце затая...
А где же, где же, барабанщик, барабанщица твоя? 2 раза</p> <p>4. А в соседнем переулке барабанщицы живут
и, конечно, в переулке очень добрыми слынут.
И за ними ведь не надо отправляться за моря...
Но где же, где же, барабанщик, барабанщица твоя? 2 раза</p> |
|--|--|

Первый концерт, кафе «Артистическое» (Москва, 1961 г.).
The first concert at the Cafe Artisticheskoe (Moscow, 1961).

— *Расскажите, пожалуйста, как возникли ваши первые песни — при каких обстоятельствах, в каком настроении?*

— Ну, в каком настроении — в хорошем... Сидел в кругу близких друзей. Мы пили водку или вино, не помню сейчас. Было очень хорошее настроение. Друзья были поэты. И мне захотелось одно свое шуточное стихотворение спеть под гитару. Я знал три аккорда на гитаре. Я взял гитару и спел. Им очень понравилось.

Вот прошло 26 лет, теперь я знаю семь аккордов...

(Ленинградский Дом писателей, 1984)

Q: Please tell us how your first songs appeared—under what circumstances, in what mood?

A: Well, in what mood—a good one... I was sitting in a circle of close friends. We were drinking vodka or wine, I can't remember now. The general mood was very good. My friends were poets. And I wanted to sing one of my humorous poems to the guitar. I knew three chords on the guitar, so I took the guitar and sang it. And they really liked it. Twenty-six years have gone by and I now know seven chords...

(Leningrad House of Writers, 1984)

— *Считаете ли вы, что добились всего того, к чему стремились в жизни?*

— Да нет, конечно. Если бы я добился, то пора было бы умирать. Конечно, всегда считаешь, что главное впереди, которое в общем-то и не приходит.

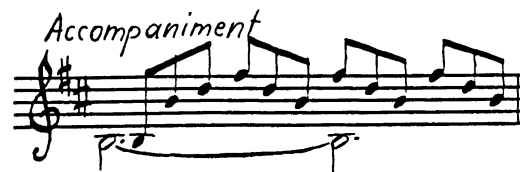
(Ленинградский Дом писателей, 1984)

Q: Have you attained everything that you have strived for in life?

A: Of course not. If I had attained everything, then it would be time to die. Of course, we always believe that the most important things are to come, although they usually don't come.

(Leningrad House of Writers, 1984)

ОН, НАКОНЕЦ, ВЕРНУЛСЯ В ДОМ

Rubato

1. Он, на- ко- нец, вер- нул- ся в дом, где о-на сто
лет взды- ха- ла о нем, ку-
-да он сам сто лет спе- шил - ведь о- на так ре-
-ши- ла, и он ре- шил. Кля-
-нусь, что э- то лю- бовь бы- ла, по- смо-
-три - ведь, э- то е- е де- ла. Но,
зна- ешь, хоть Бо- га к се- бе при- зо- ви, раз- ве мож- но по-

-нять что-ни-будь в люб-ви? 2. И позд-ний

FINALLY HE RETURNED TO THE HOUSE

ОН, НАКОНЕЦ, ВЕРНУЛСЯ В ДОМ

1. Finally he returned to the house where she waited and sighed in silence. A hundred years she waited as he searched, as it had been decided between him and her.
2. It must have been love, I swear to you! See—it's the kind of thing love would do. But, you know, even with help from above how can one understand anything about love?
3. As the late rain soaked the trees she stood in silence, and so did he. And then he turned to go out on the street, and she did not throw herself at his feet.
4. It must have been love, I swear to you! See—it's the kind of thing love would do. But, you know, even with help from above how can one understand anything about love?

1. Он, наконец, вернулся в дом, где она сто лет вздыхала о нем, куда он сам сто лет спешил — ведь она так решила, и он решил.
2. Клянусь, что это любовь была, посмотри — ведь это ее дела. Но, знаешь, хоть Бога к себе призови, разве можно понять что-нибудь в любви?
3. И поздний дождь в окно стучал, и она молчала, и он молчал. И он повернулся, чтобы уйти, и она не припала к его груди.
4. Я клянусь, что это любовь была, посмотри, ведь это ее дела. Но, знаешь, хоть Бога к себе призови, разве можно понять что-нибудь в любви?

— *Как можете быть таким последовательным? Что помогает вам? О чем вы думаете в трудную минуту?*

— В свое время я старательно вырабатывал в себе одно умение — умение самостоятельно мыслить в любых ситуациях. На сегодняшний день мне это очень помогает. И, кроме того, я стараюсь по мере возможностей строить свое благополучие не за счет благополучия других. Это очень укрепляет человека духовно. Я очень рекомендую этим заниматься.

(Ленинградский Дом писателей, 1984)

Q: How are you able to remain so consistently true to yourself? What helps you? What do you think about at your most difficult moments?

A: Long ago I carefully cultivated the ability to think independently in any situation. These days this helps me enormously. And besides that, I try as much as possible to achieve my well-being without disrupting other people's well-being. This strengthens me spiritually. I recommend that others do the same.

(Leningrad House of Writers, 1984)

ШЕЛ ТРОЛЛЕЙБУС ПО УЛИЦЕ

Accompaniment

Allegretto

1. Шел трол-лей-бус по у-лице, жен-щи-на шла *впе-ре-*
ди. И все муж-чи-ны в трол-лей-бу-се
 глаз не сво-ди-ли с не-е. 2. Трол-лей-бус про-мчал-ся
 ми-мо, жен-щи-ну он *о-бо-гнал.* И все муж-чи-ны в трол-
 лей-бусе дол-го смот-ре-ли ей вслед. 3. И

Final ending

ritardando

дол-жен хо-тя бы кто-ни-будь все вре-мя смот-реть *впе-ред.*

A TROLLEY WAS MOVING DOWN THE STREET

ШЕЛ ТРОЛЛЕЙБУС ПО УЛИЦЕ

1. A trolley was moving down the street,
a young girl was walking ahead.
And no man in that trolley car
could take his eyes off that girl.
 2. The trolley was moving very fast,
it left her behind soon enough.
But every man in that trolley car
turned round to look at that girl.
 3. Only the driver way up in front
did not turn his head back and forth,
because there has to be someone
to look ahead at all times.
1. Шел троллейбус по улице,
женщина шла впереди.
И все мужчины в троллейбусе
глаз не сводили с нее.
 2. Троллейбус промчался мимо,
женщину он обогнал.
И все мужчины в троллейбусе
долго смотрели ей вслед.
 3. И только водитель троллейбуса —
он головой не вертел:
ведь должен хотя бы кто-нибудь
все время смотреть вперед.

— *Очень хотелось бы узнать ваше отношение к Алле Пугачевой.*

— Понимаете, Алла Пугачева из другого цеха, так сказать. Она певица. У нее очень хорошие природные данные, она от природы очень одаренный человек. Но мне думается... мне думается, что она вторична на эстраде. Вторична. Она повторяет уже известное... то есть — *мало известное*, это-то ей и помогает. Понимаете, если мы были бы более осведомлены о мировой эстраде, может быть, многое нам в ней не показалось бы открытием и интересным. Потом, она не очень серьезно относится к своему репертуару, поэтому там много пошлятины всякой бывает. Но это мое мнение. Я не знаю, может быть, здесь сидят ее поклонники. Так что...

(Ленинградский Дом писателей, 1984)

Q: I would like to know your opinion of Alla Pugachyova.

A: Well, Alla Pugachyova is from a different department, so to speak. She is a singer. She has innate abilities, she is naturally gifted. But it seems to me that she's not very original as a performer. She repeats what is already well-known, rather, what is little known *here*, in the USSR, and she uses that to her advantage. You see, if we knew more about popular music throughout the world, we might not consider all of her work innovative or interesting. Furthermore, she doesn't build her repertoire carefully, so much of it is trivial. But that's only my opinion. Maybe some of her admirers are sitting in the audience. So...

(Leningrad House of Writers, 1984)

МОРЕ ЧЕРНОЕ

Accompaniment

1. Не по-кор-на-я го-лу-ба-я вол-на все бе-

-жит и бе-жит, не кон-ча-ет-ся. Мо-ре

Чер-но-е, слов-но ча-ша ви-на, на ла-

-до-ни мо-ей все ка-ча-ет-ся. Мо-ре

Чер-но-е, слов-но ча-ша ви-на, на ла-

-до-ни мо-ей все ка-ча-ет-ся. 2. Я все

Final ending

Чер-но-е на ла-до-ни мо-ей, как бар-

THE BLACK SEA

For Larissa Luzhina

1. A blue wave is stubborn and free.
On and on it runs without end.
Like a goblet of wine the Black Sea
rocks to and fro in my hand.
2. I can think of one thing, just one,
as though all hope is out of sight.
The Black Sea, like a goblet of wine,
I drink in your name tonight.
3. Sea of wonder, how can I leave
without despair gripping my throat?
In my hand the mighty Black Sea
rocks to and fro like a boat.

МОРЕ ЧЕРНОЕ

Ларисе Лужиной

1. Непокорная голубая волна
все бежит и бежит, не кончается.
Море Черное, словно чаша вина,
на ладони моей все качается. 2 раза
2. Я все думаю об одном, об одном,
словно берег надежды покинувши.
Море Черное, словно чашу с вином,
пью во имя твое, запрокинувши. 2 раза
3. Неизменное среди всяких морей,
как расстаться с тобой, не отчаяться?
Море Черное на ладони моей,
как баркас уходящий, качается. 2 раза

В Ялте на теплоходе «Грузия» с В. Аксеновым, А. Рыбаковым, К. Ваншенкиным, И. Гофф и др. (1970 г.).
In Yalta on the ship *Gruziya* with V. Aksonov, A. Rybakov, K. Vanshenkin, I. Goff and others (1970).

ЗАЕЗЖИЙ МУЗЫКАНТ

Accompaniment

Waltz-like

Am Am Am Am

1. За- ез- жий му- зы- кант це-

Am Dm Dm

-лу- ет- ся с тру- бо- ю, пас- са- жи по- ут-

G7 G7 C

-рам, так про- сто, ни о чем... Он

Am Am Am

лю- бит не те- бя. О- пом- нись. Бог с то-

Dm Dm Am

-бо- ю. При- жмись ко мне пле- чом, при-

Am Am

-жмись ко мне пле- чом. 2. Жи- вет он тре- тий

Final ending

бо-ю, о судь-бе... Судь-ба, судь-бы, судь-бе, судь-бо-ю, о судь-бе...

A VISITING MUSICIAN

For Yu. Levitansky

ЗАЕЗЖИЙ МУЗЫКАНТ

Ю. Левитанскому

1. A visiting musician came to our town this season.
Kisses his trumpet, and new passages flow free...
He doesn't love you girl, Lord help you, come to reason.
Lean closer to me.
Lean closer to me.
2. In our cheapest inn he comfortably settled,
a small bed by the window, a patch of skies deep blue.
But on his red-hot trumpet, boiling like a kettle
so heavily he sighs...
And I'm in love with you.
3. You listen to him play with a calm, serene expression,
like listening to birds, to tide or gentle rains.
His trumpet's throat is sore, but still with such elation
he plays; the faithful instrument coughs and rasps with strain.
4. He plays gammas and hymns for days without ending.
He rasps, coughs out his music, then stops and starts anew.
But, like a ghost of fate by the window he is standing.
He doesn't love you though,
and I'm in love with you.
5. I'll wait for better days and don my best new jacket,
to come before you: faithful, dignified and true.
For everything I see I set my price in brackets,
the only priceless thing
I know must be you.
6. One wouldn't tempt you, girl, with food or fancy dresses.
The visiting musician plays his trumpet full of bliss.
What does the whole world matter against its bronze caresses?
What matter turns of fate against that fiery kiss?

1. Заезжий музыкант целуется с трубой,
пассажи по утрам, так просто, ни о чем...
Он любит не тебя. Опомнись. Бог с тобою.
Прижмись ко мне плечом,
прижмись ко мне плечом.
2. Живет он третий день в гостинице районной,
где койка у окна — всего лишь по рублю,
и на своей трубе, как чайник, раскаленной
вздыхает тяжело...
А я тебя люблю.
3. Ты слушаешь его задумчиво и кротко,
как пенье соловья, как дождь и как прибой.
Его большой трубы простуженная глотка
отчаянно хрипит. (Труба, трубы, трубой...)
4. Трубач играет туш, трубач потеет в гамме,
трубач хрипит свое и кашляет, хрипя...
Но словно лик судьбы — он весь в оконной раме,
да любит не тебя...
А я люблю тебя.
5. Дождусь я лучших дней и новый плащ надену,
чтоб пред тобой проплыть, как поздний лист, дрожа...
Не много ль я хочу, всему давая цену?
Не сладко ль я живу, тобой лишь дорожа?
6. Тебя не соблазнить ни платьями, ни снедью:
заезжий музыкант играет на трубе!
Что мир весь рядом с ней, с ее горячей медью?..
Судьба, судьбы, судьбе, судьбою, о судьбе...

2 раза

— *Кто из современных поэтов вам ближе всего?*

— Вот мне нравится такая постановка вопроса. Обычно спрашивают: кто из современных поэтов на ваш взгляд самый лучший? А я в таких случаях говорю, что все замечательные. Да... А что касается тех, кто ближе мне по творчеству (может быть они и не самые замечательные), я могу назвать Давида Самойлова, Арсения Тарковского, Олега Чухонцева, Беллу Ахмадулину, Юну Мориц.

(Ленинградский Дом писателей, 1984)

Q: *Which contemporary poets are you closest to?*

A: I like that way of putting it. Usually people ask me: "Who do you consider the best contemporary poets?" And I would answer that kind of question by saying that they are all excellent. But maybe those who are closest to my work are not the very best. In any case, those with whom I share the greatest affinities are David Samoilov, Arseny Tarkovsky, Oleg Chukhontsev, Bella Akhmadulina, and Yuna Morits.

(Leningrad House of Writers, 1984)

С Беллой Ахмадулиной.
With Bella Akhmadulina.

ДЛЯ ЧЕГО МЫ ПИШЕМ КРОВЬЮ НА ПЕСКЕ?

WHY DO WE WRITE ON THE SAND WITH BLOOD?

ШЛА ВОЙНА К ТОМУ БЕРЛИНУ

Accompaniment

Moderato

Am G7 C E7 Am E7

шла вой-на к то-му Бер-ли-ну, шел сол-дат на тот Бер-

Am G7 C Dm Am

-лин. Ма-туш-ка, не плачь по сы-ну -

C Dm E7 Am

у те-бя счаст-ли-вый сын.

Final ending

E7 Am C Dm Am

-ли-вый-сын. Ма-туш-ка, по-плачь по сы-ну -

C Dm E7 Am

у те-бя счаст-ли-вый сын.

TO BERLIN THE WAR DID STEER

1. To Berlin the war did steer
leading a soldier with a gun.
Weep not for him, mother dear—
you have got a lucky son.
2. He spared neither feet nor gear,
did not stall and did not speed.
There was a gunshot, mother dear—
your son staggered on his feet.
3. He collapsed; his eyes turned clear;
he fell asleep under the sun.
Weep now for him, mother dear—
you have got a lucky son.

ШЛА ВОЙНА К ТОМУ БЕРЛИНУ

1. Шла война к тому Берлину,
шел солдат на тот Берлин.
Матушка, не плачь по сыну —
у тебя счастливый сын.
2. Шел не медленно, не быстро,
не жалел солдатских ног.
Матушка, ударил выстрел,
покачнулся твой сынок,
3. опрокинулся на спину
и застыл среди осин...
Матушка, поплачь по сыну —
у тебя счастливый сын. 2 раза

— *Что вам мешает в жизни, в работе? А что помогает?*

— Мешают собственные недостатки. Помогают достоинства.

(Ленинградский Дом писателей, 1984)

Q: What obstacles do you encounter in your life and in your work? And what helps you?

A: My own deficiencies hinder me. Merits help me.

(Leningrad House of Writers, 1984)

СТАРИННАЯ СОЛДАТСКАЯ ПЕСНЯ

Accompaniment

Allegretto, March-like

От- шу- ме- ли пес- ни на- ше- го пол- ка,

от- зве- не- ли звон- ки- е ко- пы- та.

Пу- ля- ми про- би- то дни- ще ко- тел- ка,

мар- ки- тант- ка ю- на- я у- би- та.

Пу- ля- ми про- би- то дни- ще ко- тел- ка,

мар- ки- тант- ка ю- на- я у- би- та.

Final ending

и сло- ва, и пу- ли, и лю- бовь, и кровь...

Вре- ме- ни не бу- дет по- ми- рить- ся.

** in stanza 3*

3. Ру- ки на за- тво- ре, го- ло- ва в тос- ке,

AN OLD SOLDIER SONG

1. The songs of our regiment have given way to rue.
Merry sounds of hooves have now subsided.
Sunlight is pouring down on a pot, shot through,
a young canteen girl's lying dead beside it.
2. Few of us are left, still a lot of pain in store.
A few of us against a few foes...
While we live we are the refuse of this war,
but when we die paradise comes close.
3. A finger on the trigger; anguish in the heart,
and the soul might be gone, who knows?
Why did we turn painting with blood into an art?
Mother Nature doesn't need those shows.
4. Rest in peace, my friends, for it will all return.
There'll be new commanders, just as clever.
Patiently new soldiers will await their turn
to get new barracks, now and forever.
5. Sleep, my friends, for now time must take its course.
History's replays will never cease:
there'll be words and bullets, love and blood, of course...
There will be no time for peace.

СТАРИННАЯ СОЛДАТСКАЯ ПЕСНЯ

1. Отшумели песни нашего полка,
отзвенели звонкие копыта.
Пулями пробито днище котелка,
маркитантка юная убита. 2 раза
2. Нас осталось мало: мы да наша боль.
Нас немного, и врагов немного.
Живы мы покуда — фронтовая голь,
а погибнем — райская дорога. 2 раза
3. Руки на затворе, голова в тоске,
а душа уже взлетела вроде.
Для чего мы пишем кровью на песке?
Наши письма не нужны природе. 2 раза
4. Спите себе, братцы, — все придет опять:
новые рождаются командиры,
новые солдаты будут получать
вечные казенные квартиры. 2 раза
5. Спите себе, братцы, — все начнется вновь,
все должно в природе повториться:
и слова, и пули, и любовь, и кровь...
Времени не будет помириться. 2 раза

ПРИМЕТА

March-like

Es- ли во- рон в вы- ши- не, де- ло ста- ло быть к вой-
-не. Es- ли дать е- му кру- жить, es- ли
дать е- му кру- жить, — зна- чит всем на фронт ид- тить.

THE OMEN

1. If a raven's in the sky
then a war is nearby.
If we wait and let it soar,
if we wait and let it soar,
we'll all have to go to war.
2. To kill the war before it comes
we must kill the bird at once.
But to kill the bird at once,
yes, to kill the bird at once
we must load our guns.
3. When the loading is through
everyone will want to shoot.
And when we start to shoot away,
when we start to shoot away
the bullets soon will find their way.

ПРИМЕТА

1. Если ворон в вышине,
дело, стало быть, к войне.
Если дать ему кружить,
если дать ему кружить, —
значит, всем на фронт идтить.
2. Чтобы не было войны,
надо ворона убить;
чтобы ворона убить,
чтобы ворона убить,
надо ружья зарядить.
3. А как станем заряжать,
всем захочется стрелять;
а уж как стрельба пойдет,
а уж как стрельба пойдет,
пуля дырочку найдет.

4. They don't pity anyone,
they just want to hit someone.
Be it friend or be it foe,
they just want them all to go—
no one's left to see the show.
5. No one's left to see the show.
We've been killed a while ago.
We've been killed a while ago,
only raven's circling low—
no one's left to shoot it now.

4. Ей не жалко никого,
ей попасть бы хоть в кого:
хоть в чужого, хоть в свою,
лишь бы — всех до одного...
Во, и боле ничего.
5. Во, и боле ничего,
во, и боле никого;
во, и боле никого,
кроме ворона того —
стрельнуть некому в него,
стрельнуть некому в него.

— *Почему Вы перестали писать стихи?*

— Действительно, я долго не писал стихов, как-то не мог, ничего у меня не выходило... Разумеется, не надо это понимать буквально, так как я, в конце концов, профессионал и мог бы ежедневно писать по пять стихотворений. Плохих стихотворений. Только зачем? В душе я, однако, сожалел об этом и — несмотря на интенсивную работу над романами — уже давно ощущал потребность вернуться к поэзии. Наконец, в прошлом году что-то во мне как бы проснулось, и стихи снова начали появляться. И это меня очень обрадовало, потому что, когда у меня есть готовое стихотворение, я беру гитару и, хоть играть на ней я и не очень-то умею, — за всю жизнь едва научился брать пять аккордов, — подбираю какую-то мелодию. Так возникает песня. В эти последние годы я много раз брал в руки гитару, но никакой мелодии не появлялось — ничего, ну просто ничего... Ну, может, теперь уж пойдет легче.

(Из интервью польскому еженедельнику *Polytika*, 8 октября 1983, Варшава. Опубликовано по-русски в газете «Русская мысль», 24 ноября 1983, перевел с польского Л. Шатунов).

Q: *Why did you stop writing poetry?*

A: I didn't write poetry for a long time because somehow I couldn't. I couldn't produce anything. Of course, I do not mean this literally because, after all, I am a professional and I could have written five poems a day. Bad poems. But why? In my soul I regretted my inability to write good poetry and—although I worked intensely on my novels—I felt a need to return to poetry. Finally, last year something inside of me awoke and poems began to materialize again. This made me very happy because when I complete a poem I take my guitar and, although I don't play it very well (in my life I have only learned five chords), I make up a melody. That's how a song appears. These past few years, I've often picked up the guitar but nothing came to me—nothing, just nothing. Well, maybe now it will be easier.

(From an interview for the weekly Polish magazine, *Polytika*, October 8, 1983, Warsaw. Published in Russian in the weekly newspaper *Russkaia mysl'*, November 24, 1983. Translated from Polish to Russian by L. Shatunov).

ДЕРЗОСТЬ, или РАЗГОВОР ПЕРЕД БОЕМ

Accompaniment (in measures 9-16)

Moderato

Bm F# F#7

– Гос- по- дин лей- те- нант, что вы нын- че

Bm D A

хму- ры? Аль не по серд- цу вам

**A7 D G*

ва- ше ре- мес- ло? – Гос- по- дин

D A7 D Em

ге- не- рал, вспо- ни- лись а- му- ры. Не ска- жу,

*Bm **F#7 Bm*

что- бы мне с ни- ми не вез- ло.

**(in stanza 5)*

A7 D

не- на- висть к вра- гу?

*** (in stanza 4)*

F#7 Bm

жен- щи- на е- го.

*IMPUDENCE, OR A CONVERSATION BEFORE
THE BATTLE*

ДЕРЗОСТЬ, ИЛИ РАЗГОВОР ПЕРЕД БОЕМ

1. "What's the matter, lieutenant, why are you so gloomy?
Are you finding our job too harsh of a test?"
"Sir, I started to think of the young love blooming.
Where love was concerned I've always had success."
 2. "I don't like this, lieutenant, such rotten timing!
Soon's the battle, and you still have wenchies on your mind."
"Sir, before the battle starts, and everyone starts firing,
I think of the golden days I must leave behind."
 3. "Such thoughts are no good, lieutenant, I suggest you stop them.
We are here to win, you must remember that."
"Sir, I know we will win; that is not the problem.
I just doubt I'll still be around to celebrate."
 4. "On the battlefields, lieutenant, from the blood unending,
watch the eternal glory spring, the flower of war!"
"The dead can keep that glory, sir, no disrespect intended,
but to those who still live, a woman means much more."
 5. "Damn it all! Look, lieutenant, what the hell's the matter?!
Have you forgotten your oath, the hatred for the foe?"
"Sir, I tried, but I just can't do any better.
I cannot lie any more. Why, I do not know."
 6. "You'll remember this, lieutenant, I promise you'll be sorry!
The court martial works fast, you have yourself to blame."
"General, that's how it is, our foes need not worry.
The bullets of our own kind will do the job for them..."
1. — Господин лейтенант, что вы нынче хмуры?
Аль не по сердцу вам ваше ремесло?
— Господин генерал, вспомнились амуры.
Не скажу, чтобы мне с ними не везло.
 2. — Господин лейтенант, нынче не до шашней.
Скоро бой предстоит, а вы все про баб!
— Господин генерал, перед рукопашной
золотые деньки вспомянуть хотя б!
 3. — Господин лейтенант, не к добру все это.
Мы ведь здесь для того, чтобы побеждать.
— Господин генерал, будет нам победа,
да придется ли мне с вами пировать...
 4. — На полях, лейтенант, кровию политых,
расцветет, лейтенант, славы торжество!
— Господин генерал, слава — для убитых,
а живому нужней женщина его.
 5. — Черт возьми, лейтенант, да что это с вами?
Где же воинский долг, ненависть к врагу?
— Господин генерал, рассудите сами:
я и рад бы приврать, да вот не могу.
 6. — Ну, гляди, лейтенант, каяться придется!
Пускай счеты с тобой трибунал сведет.
— Видно так, генерал: чужой промахнется,
а уж свой в своего всегда попадет...

2 раза

— *Много ли у вас врагов?*

— Ну, у каждого нормального человека должны быть враги. Если он что-то из себя представляет. Надеюсь, что и у меня они есть. Даже некоторых знаю. Сколько их — не могу сказать, потому что некоторые враги умеют казаться друзьями. Бывает и так тоже...

(Ленинградский Дом писателей, 1984)

Q: *Do you have many enemies?*

A: Well, every normal person should have enemies... if he's worth anything. I hope that I have some. I even know a few. I couldn't say how many I have because some enemies disguise themselves as friends.

(Leningrad House of Writers, 1984)

Я познакомился с тобой, война... Ты желаешь отучить меня от всего, к чему я привык? Ты хочешь научить меня подчиняться тебе беспрекословно? Крик командира — беги, исполняй, оглушительно рывкай «Есть!», падай, ползи... Гибнут друзья —рой могилу, сыть землю, машинально стреляй в небо, три раза...

Помогите мне. Спасите меня. Я не хочу умереть... Я ведь пригожусь для жизни... Я даже десятого класса не кончил.

(Из повести «Будь здоров, школяр!», «Тарусские страницы», Калуга, 1961, стр. 52, 54)

I've gotten to know you, war... Do you want to break me from everything to which I have grown accustomed? Do you want to teach me to submit to you unconditionally? Commander's cry—run, carry out the order, roar "Yes, Sir!" fall, crawl... Friends die—dig a grave, scatter earth, mechanically shoot into the sky three times...

Help me. Save me. I don't want to die... I will be useful for life... I haven't even finished tenth grade.

(From "Good Luck, Schoolboy," *Taruskie stranitsy*, Kaluga, 1961, pp. 52, 54)

На стадионе имени В. И. Ленина в Лужниках (Москва, 1977 г.).
At Lenin Stadium in Luzhniki (Moscow, 1977).

— *Печатали ли вы прозу до «Тарусских страниц»? И какую роль сыграл в вашей литературной судьбе Паустовский?*

— Можно сказать, что Паустовский — мой крестный отец, если говорить обо мне как о прозаике. Потому что первая моя повесть, которую я писал, в общем, не для печати, а так, для своих друзей, для самого себя,— свои воспоминания о фронте, когда я семнадцатилетним мальчиком попал на войну,— эта повесть совершенно случайно попала к Константину Георгиевичу, которого я не знал. Ему передали. Он прочитал и очень загорелся, и попросил, чтобы меня привезли в Тарусу. И я поехал, трое суток там жил у него, мы общались. Тогда у меня появились первые песни, и он слушал их с интересом. И водку пили, хотя ему было нельзя. И потом он все время за мной следил. И он поместил эту повесть в «Тарусских страницах» и отстаивал меня, когда меня за нее бранили.

(Ленинградский Дом писателей, 1984)

Q: Did you ever publish prose before Pages from Tarusa? What role has Paustovsky [editor of Pages from Tarusa] played in the fate of your literary work?

*A: Paustovsky is like my godfather, in terms of my prose. I wrote my first story only for myself and my friends, not intending to publish it; it was about my memories of the front when I went to the war at age 17. Just by chance it fell into the hands of Konstantin Georgievich, whom I had not yet met; my friends had given it to him. He was very excited about it, and asked them to send me to Tarusa. So I went and stayed with him for three days, and we talked. At that time my first songs had appeared, and he listened to them with great interest. And we drank vodka, although he was not supposed to. From then on, he always followed my work. And he published my story in *Pages from Tarusa* and defended me when I was criticized.*

(Leningrad House of Writers, 1984)

СОЛНЫШКО СИЯЕТ

Accompaniment

Allegretto

Сол-ныш-ко си-я-ет, му-зы-ка иг-ра-ет,

от-че-го так серд-це за-ми-ра-ет?

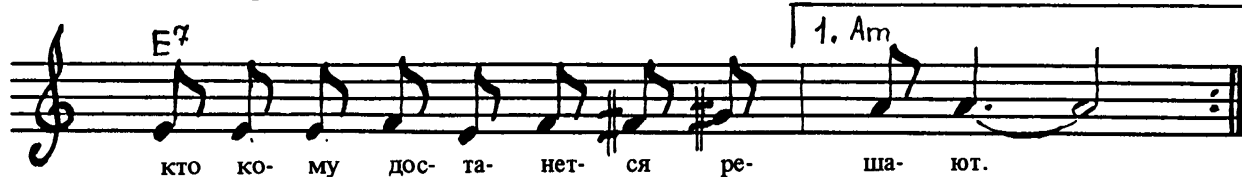
Там, за по-во-ро-том, не-ду-рен со-бо-ю

полк гу-сар сто-ит пе-ред тол-по-ю.

Ба-рыш-ни сме-ют-ся, тан-цы пред-вку-ша-ют,

кто ко-му дос-та-нет-ся ре-ша-ют.

-ша-ют.

THE SUN IS SHINING

1. The merry music plays, the sun is warm and bright.
Why the feeling something is not right?
Inside the little town, handsome, dashing, proud,
the hussars stand before the happy crowd.

The young ladies smile, tonight are the dances.
The hussars catch those sweet, inviting glances.
2. Annoyed by the ladies, the brave old commander
says, "What's the matter, don't you remember?
We danced all night Wednesday, three long days ago.
The war started Thursday, we must go.

Death on battlefields can be as real as you are.
I can't promise we'll be back for sure."
3. The young ladies giggle, they are disbelieving,
they don't realize the men are leaving.
"Go suit your fancy, if you can't stay here.
Just do not be late for dinner, dear."

The merry music plays, the sun is warm and bright.
Why this feeling something is not right?

СОЛНЫШКО СИЯЕТ

1. Солнышко сияет, музыка играет,
отчего так сердце замирает?
Там, за поворотом, недурен собою,
полк гусар стоит перед толпою.

Барышни смеются, танцы предвкушают, 2 раза
кто кому достанется, решают.
2. Но полковник главный, на гнедой кобыле,
говорит: «Да что ж вы все забыли!
Танцы были в среду, нынче воскресенье,
с четверга война — и нет спасенья.

А на поле брани смерть гуляет всюду, 2 раза
может не вернемся, врать не буду».
3. Барышни не верят, в кулачки смеются,
невдомек, что вправду расстанутся.
Вы, мол, погуляйте, если вам охота,
да не опоздайте из похода.

Солнышко сияет, музыка играет, 2 раза
отчего ж так сердце замирает?..

— *Ваша любимая эпоха в развитии человеческого общества? И почему именно эта?*

— Я думаю, что наша эпоха замечательная. Она очень интересна, насыщена событиями, успевай поворачивайся только... А людям, которые жили в 19-м веке, наверное их эпоха казалась удивительной. Люди склонны идеализировать, поэтому прошедшие века кажутся более приятными. Хотя должен сказать, при внимательном изучении они действительно имеют несколько достоинств, которые мы растеряли. Они более стабильны, в них нет той ускоренности, которую ощущаем мы. Люди умели писать длинные письма. А когда пишешь длинные письма, появляется потребность мыслить и рассуждать. Я думаю, что нравственность была выше. Теперь технический прогресс дал нам кое-какие преимущества, но многое у нас и взял. Этим я не пытаюсь призвать вас к возврату в прошлое...

(Ленинградский Дом писателей, 1984)

Q: *What is your favorite era in the history of humanity? And why precisely that era?*

A: I think that our own era is marvelous. It is very interesting and saturated with events: you have to keep up with the times. People who lived in the nineteenth century probably considered their own era amazing. Since people tend to idealize, previous centuries seem better than their own. Although I must say, if you study the facts carefully, people in previous eras achieved things that we have since lost. They were more stable and not as rushed as we are. They knew how to write long letters. And when you write long letters, you need to think and reason. I think that there was a higher standard of morality. Technical progress has given us some advantages, but has taken much from us in exchange. However, I am not urging you to return to the past.

(Leningrad House of Writers, 1984)

ПЕСНЯ О МОЛОДОМ ГУСАРЕ

Accompaniment *in refrain:*

Moderato

Гроз- ной бит- вы пы- ла- ют по- жа- ры, и по-
 -ра уж ко- ней под сед- ло. При- го-
 -то ви- лись к схват- ке гу- са- ры — их счаст-
 -ли- во- е вре- мя при- шло. Впе- ре-
 -ди ко- ман- дир, на нем но- вый мун- дир, а за
 ним эс- кад- рон пос- ле зим- них квар- тир. А
 са- мый мо- ло- дой, в На- та- ли- ю влюб- лен- ный,

он все сто-ит пред ней ко-ле-но-пре-кло-
-нен-ный. А са-мый мо-ло- // нен-ный.

Final ending

-дой... А са-мый мо-ло-дой...

A SONG ABOUT THE YOUNG HUSSAR

1. War is here, and the horses are saddled.
Proud and joyful are sounds of drums.
The hussars are ready for battles,
their hour of glory has come.

The commander is first,
the most handsome on Earth.
And his squadron is next,
well fed, well rehearsed...

The youngest of hussars, in love with Natalie,
can only think of her, the lady of his dreams.
2. In the battle they fell, flags are down,
earthly matters concern them no more.
One by one the winged horses leave ground
taking them to the ultimate shore.

The commander is first,
every move well rehearsed.
And the young one is next
also leaving this Earth...

But in his mind he's still in love with Natalie.
He only thinks of her, the lady of his dreams.
3. How swiftly the centuries flow.
Everything has been changed, work and play.
Fair Natalie died long ago,
in museums the swords rust away.

ПЕСНЯ О МОЛОДОМ ГУСАРЕ

1. Грозной битвы пылают пожары,
и пора уж коней под седло.
Приготовились к схватке гусары,
их счастливое время пришло.

Впереди командир,
на нем новый мундир,
а за ним эскадрон
после зимних квартир.

А самый молодой, в Наталию влюбленный,
он все стоит пред ней, коленопреклоненный. 2 раза
2. Все погибли в бою, флаг приспущен,
и земные дела не для них,
и летят они в райские кущи
на конях на крылатых своих.

Впереди командир,
на нем рваный мундир,
а за ним тот гусар
покидает сей мир.

Но чудится ему, что он опять влюбленный,
опять стоит пред ней, коленопреклоненный. 2 раза
3. Вот иные столетья настали,
и несчетно воды утекло,
и давно уже нет той Натальи,
и в музее пылится седло.

We have worked hard to forget
the old battles men had.
Our civilized age
craves its own share of dead...

...The youngest of hussars, in love with Natalie,
still only thinks of her, the lady of his dreams.

Позабыт командир,
дам уездных кумир.
Жаждет новых потех
просвещенный наш мир.

А юный тот гусар, в Наталию влюбленный,
он все стоит пред ней, коленопреклоненный.
А юный тот гусар...
А юный тот гусар...

У меня первая пластинка вышла через 20 лет после того, как я начал писать песни. Когда уж спохватились... Вы знаете, как самая первая моя пластинка вышла — не большая, а маленькая? Она вышла — я даже об этом не знал. И вдруг... Четыре песенки там в моем исполнении. Продается. Мне приятель говорит: «Продается». Я говорю: «Не может быть, я ничего не знаю об этом». «Нет, — говорит, — продается». Я побежал [в магазин]— действительно, моя пластинка. С жутким портретом каким-то. Я разозлился, купил, принес домой, поставил — и сразу понял, что это переписано с французской пластинки, которая вышла раньше. И я написал на фирму [«Мелодия»] такое письмо: что я сначала очень рассердился, когда узнал, что вы выпустили пластинку без моего ведома. Но потом я понял, что вы решили, что я давно умер. Но все-таки можно было посоветоваться с вдовой. Я уж не говорю о том, что вы поместили портрет моего двоюродного брата.

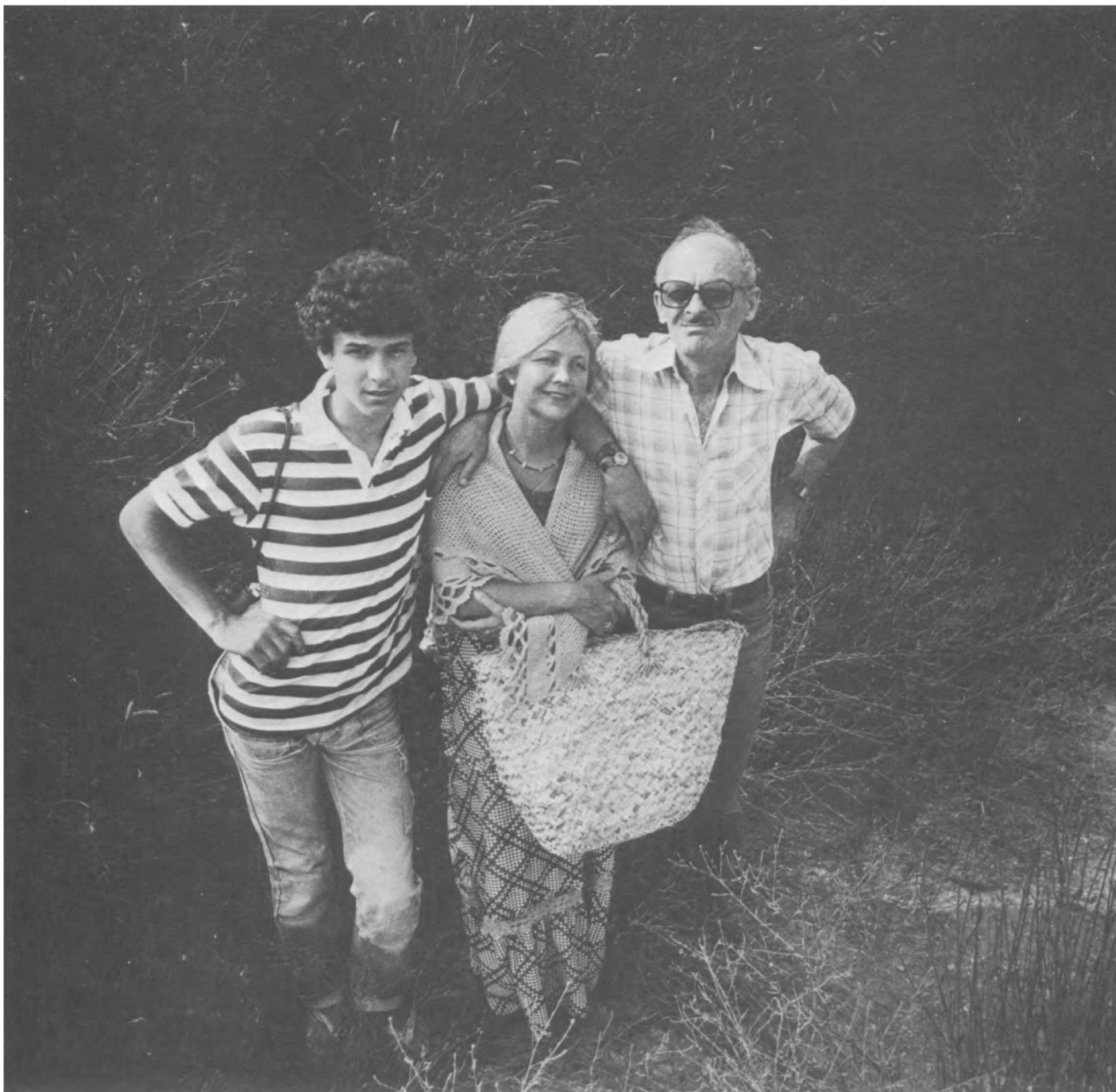
Тут вообще паника началась. На этой почве мы познакомились и потом у меня появились... пластинки.

(Ленинградский Дом писателей, 1984)

My first record came out twenty years after I began to write songs... Do you know how my first record came out—not the big one, but the little one? I didn't even know about it; suddenly they were selling four songs of mine, performed by me. My friends told me: "They're selling it." And I replied, "That can't be, I don't know anything about it." "Yes," they repeated, "they're selling it." I ran into the store—and there it was, my record. With some terrible picture of me on it. I was furious, bought it, took it home, played it, and suddenly realized that it had been recorded from a French record that had come out earlier. So I sent the firm [Melodiya] a letter that ran like this: "I was extremely angry when I found out that you released a record without my consent. But then I realized that you had decided that I died long ago. All the same you could have consulted with my widow. I won't even speak about the fact that you featured a portrait of my cousin." With that a general panic ensued. Because of this we became acquainted and after that my records were released.

(Leningrad House of Writers, 1984)

С семьей (1978 г.).
With his family (1978).

— Как вы относитесь к проблеме «художник — одинок»? Вот о себе, пожалуйста.

— Я не думал над этой проблемой. Вообще одиночество — вещь полезная.

(Ленинградский Дом писателей, 1984)

Q: *What is your opinion of the problem: "the artist is always solitary"? And how is this relevant to you?*

A: I have not thought about this problem. Actually solitude is generally very useful.

(Leningrad House of Writers, 1984)

Я ВЫСЕЛЕН С АРБАТА

I AM EVICTED FROM ARBAT

АРБАТСКИЙ ДВОРЯНИН

Accompaniment

Moderato

1. Пус- кай лю- бовь мо- я как мир ста- ра, - лишь ей од- ной слу- жил и до- ве- рял- ся я - дво- ря- нин с ар- бат- ско- го дво- ра, сво- им дво- ром вве- ден- ный во дво- рян- ство. Я дво- ря- нин с ар- бат- ско- го дво- ра, сво- им дво- ром вве- ден- ный во дво- рян- ство. 2. За

THE NOBLEMAN OF ARBAT

To the students of Moscow's school
No. 33 who invented the word "arbatry"

1. To my true love I gave my trust and sword.
I'm bound by love that centuries can't sever.
I am a gentleman of the Arbat court,
my court made me a nobleman forever.
2. I have been granted blood of purest blue
for loyalty and heart, righteous and clear.
When my court falls I know I'll perish too.
While it exists I know no fear.
3. Rumor is like a pure silver string
shielding the coffin with its divine tune.
But please be kind, my fortune, do not fling
my hand away. Please stay, save me from ruin.
4. Mary, weep not. Rejoice without restrain,
welcome new guests inside with past devotion.
The arbatry dissolved deep in one's veins
is indestructible, like skies and oceans.

АРБАТСКИЙ ДВОРЯНИН

Посвящается учащимся 33-й московской школы, придумавшим слово «арбатство»

1.	Пускай любовь моя как мир стара, —
лишь ей одной служил и доверялся
я — дворянин с арбатского двора,
своим двором введенный во дворянство.	2
раза
2.	За праведность и преданность двору
пожалован я кровью голубою.
Когда его не станет — я умру,
пока он есть — я властен над судьбою.	2
раза
3.	Молва за гробом чище серебра
и вслед звучит музыкою прекрасной...
Но ты, моя фортуна, будь добра,
не выпускай моей руки несчастной.	2
раза
4.	Не плачь, Мария, радуйся, живи,
по-прежнему встречай гостей у входа...
Арбатство, растворенное в крови,
неистребимо, как сама природа.	2
раза

— Зачастую нас, молодых, упрекают в том, что мы, мол, не имеем права рассуждать о жизни, потому что не знаем, что такое голод, что такое кусок хлеба. Неужели необходимо для духовного созревания...

— Да, вообще смешно. Неужели нужно обязательно голодать и холодать? Но в общем-то, конечно, тяготы жизни — они многому учат, и быстрее гораздо, на более коротком отрезке времени. Это естественно, раньше приобретается опыт. Но говорить вы имеете право, почему же нет? Говорите, говорите, но потом чтобы... потом не спохватиться, что не то сказали. Так ведь тоже бывает, знаете — впопыхах скажешь, а через год думаешь: что же это я сказал-то!

(Ленинградский Дом писателей, 1984)

Q: *Frequently people tell us young people that we don't have the right to discuss the important questions of life because we haven't experienced hunger. Must we really be hungry in order to grow spiritually?*

A: No, that's ridiculous. Is it really necessary to be hungry and cold? But on the other hand, we *can* learn an enormous amount from life's hardships, especially when they occur over a very short period of time. That way we gain experience early on. But you *do* have the right to speak out. Why wouldn't you? Speak, speak!! Be careful, however, so that you won't later regret having said something wrong. After all, you know, sometimes you say something in a hurry, then a year later, you think: What did I say?

(Leningrad House of Writers, 1984)

Я ВЫСЕЛЕН С АРБАТА

Accompaniment

Allegretto

1. Я вы-се-лен с Ар-ба-та, ар-бат-ский э-ми-грант. В Без-бож-ном пе-ре-ул-ке хи-ре-ет мой та-лант. Кру-гом чу-жи-е ли-ца, враж-деб-ны-е мес-та. Хоть са-у-на на-про-тив, да фа-у-на не та. Кру-гом чу- // фа-у-на не та. 2. Я

1.	Evicted from Arbat, I'm an emigrant today.
In Bezbozhny Alley my talent went astray.*
The strangers hurry by me in hundreds all day long.
Though a sauna is right here, the fauna is all wrong.	1.	Я выселен с Арбата, арбатский эмигрант.
В Безбожном переулке хиреет мой талант.
Кругом чужие лица, враждебные места.
Хоть сауна напротив, да фауна не та.	2
раза
2.	Evicted from Arbat, I must live, stripped of my past,
the foreigners are laughing, not frightened by my face.
I'm thrown out; lost amidst strangers' fates.
sweet bread of emigration now has a bitter taste.	2.	Я выселен с Арбата и прошлого лишен,
и лик мой оккупантам не страшен, а смешон.
Я выдворен, затерян среди чужих судеб,
и горек мне мой сладкий, мой эмигрантский хлеб.	2
раза
3.	I walk without a visa, a rose in my hand,
along the hidden borders that lock away my land.
And those lands where I used to live for many years
I try to see, I try to see, I try to see from here.	3.	Без паспорта и визы, лишь с розою в руке
слоняюсь вдоль незримой границы на замке
и в те, когда-то мною обжитые края,
все всматриваюсь, всматриваюсь, всматриваюсь я.	2
раза
4.	Their sidewalks stayed the same, same old houses and trees,
but people's hearts are locked now, and cold are their feasts.
Their seasons stayed the same, same summer, winter, fall,
but only the invaders are there to see it all.	4.	Там те же тротуары, деревья и дворы,
но речи несердечны и холодны пиры.
Там так же польхают густые краски зим,
но ходят оккупанты в мой зоомагазин.	2
раза
5.	They look so self-assured, so arrogant and strong...
Though the flora stayed the same, the fauna is all wrong...
Evicted from Arbat, I live bearing my cross...
The withered icy petals have fallen off my rose.	5.	Хозяйская походка, надменные уста...
Ах, флора там все та же, да фауна не та...
Я эмигрант с Арбата. Живу, свой крест неся...
Заледенела роза и облетела вся.	2
раза

*Okudzhava lives on Bezbozhny ("Godless") Alley (formerly Archpriest Alley) in a house occupied by privileged people. Christina Onassis lived there, and it is now a refuge for Louis Corvalan, former head of the Chilean Communist party, who was exchanged for the Soviet dissident Vladimir Bukovsky.

— *Вашей поэтической родиной считается Арбат, но он тоже уходит в историю.*

— Я написал на эту тему статью, никто ее не хотел печатать. В конце концов опубликовала газета «Советская культура». Я пробовал протестовать, сдерживать — потому что Арбат сносят, разрушают, и не только улицу Арбат. Весь этот район разрушают со страшной силой, и в этом историческом центре старой Москвы возводят современные здания для разных, очень важных учреждений. Так что — что я могу сделать один? Впрочем, Арбат был хорош главным образом как идея. А сама улица моей молодости — это была плохая улица.

Q: Arbat is considered the motherland of your poetry, but it also is becoming part of the past.

*A: I wrote an article on this topic but nobody wanted to publish it. Finally it was published by the newspaper *Sovetskaya kul'tura*. I tried to protest because they are tearing down Arbat, they are destroying it; and not only the street Arbat. This whole district is being violently destroyed. And in this historic center of old Moscow they erect modern buildings for various important institutions. But what can I alone accomplish? Arbat was wonderful mainly as an idea, for the street of my youth was, itself, a bad street.*

— *А можно узнать, где Вы там жили?*

— На самом Арбате, в доме 43. Там где, внизу шашлычная и магазин электротоваров; вот в этом старом доме. А во дворе — если Вы заглянете, когда будете проходить, — растет несколько деревьев. Двор большой и грязный, как было, так и осталось — жутко грязный, но деревья там растут. Так вот, кроме двух старых с толстыми стволами, все остальные посадили мы с друзьями в детстве...

(Polytika, 8 октября 1983)

Q: *Can I ask where you lived there?*

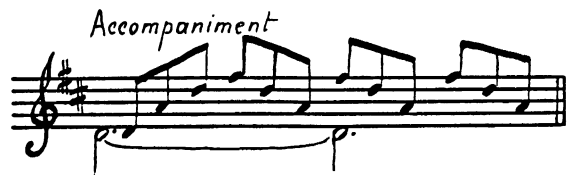
A: On the street Arbat, house number 43. It is an old house on the first floor of which there is a shishkabob cafe and an electric appliance store. And if you take a look inside the yard as you pass the house, you can see a few trees growing. The yard is big and dirty—as it was, so it remains—terribly dirty. But the trees are still growing there. And except for two old ones with wide trunks, during my childhood my friends and I planted them all.

(Polytika, October 8, 1983)

В мастерской Б. Мессерера, проводы писателя В. Войновича.
The farewell party for Vladimir Voinovich at Boris Messerer's studio.

**ПРИЕЗЖАЯ СЕМЬЯ ФОТОГРАФИРУЕТСЯ
У ПАМЯТНИКА ПУШКИНУ**

Moderato

1. На фо- не Пуш- ки- на сни-
-ма- ет- ся се- мей- ство. Фо- то- граф
щел- ка- ет, и птич- ка вы- ле- та- ет. Фо- то- граф
щел- ка- ет, но вот что ин- те- рес- но: на фо- не
Пуш- ки- на! И птич- ка вы- ле- та- ет. На фо- не
Пуш- ки- на! И птич- ка вы- ле- та- ет. 2. Все сче- ты

*A VISITING FAMILY IS BEING PHOTOGRAPHED
IN FRONT OF THE PUSHKIN STATUE*

For A. Tsibulevsky

1. Before the Pushkin Statue a family is posing.
One man is aiming, and his camera click is loud.
A man is aiming,
 but this fact is rather rousing:
in front of Pushkin!
 And the camera click is loud.
2. All scores are settled, all arguments have died down.
Our street flows like a river on its route.
What lovely ladies
 can approach us in this town,
they smile at us
 and the camera click is loud.
3. A family is grouped together, sweet and civil.
How very charming,
 for the connoisseurs around,
must seem our dirty little tricks and petty evils
in front of Pushkin!
 And the camera click is loud.
4. Thanks to this photo we'll be happy hereafter.
Let our lives like fickle candles flicker out.
We are doomed forever to embrace with love and laughter
in front of Pushkin!
 And the camera click is loud.

*ПРИЕЗЖАЯ СЕМЬЯ ФОТОГРАФИРУЕТСЯ
У ПАМЯТНИКА ПУШКИНУ*

А. Цибулевскому

1. На фоне Пушкина снимается семейство.
Фотограф шелкает, и птичка вылетает.
Фотограф шелкает,
 но вот что интересно:
на фоне Пушкина!
 И птичка вылетает. 2 раза
2. Все счета кончены, и кончены все споры.
Тверская улица течет,
 куда не знает.
Какие женщины на нас кидают взоры
и улыбаются...
 И птичка вылетает. 2 раза
3. На фоне Пушкина снимается семейство.
Как обаятельны
 (для тех, кто понимает)
все наши глупости и мелкие злодеяния
на фоне Пушкина!
 И птичка вылетает. 2 раза
4. Мы будем счастливы
 (благодаренье снимку!).
Пусть жизнь короткая пронесется и тает.
На веки вечные мы все теперь в обнимку
на фоне Пушкина!
 И птичка вылетает. 2 раза

— *Что больше цените — популярность или независимость?*

— Ну, популярность вообще смешно ценить. И, потом, знаете, как сказал один поэт [Николай Доризо]:

Популярность смешна и изменчива,
С Сотворенья она такова.
Только слава — надежная женщина,
Но она не жена, а вдова.

Поэтому суетиться по поводу популярности нет смысла. А независимость — вещь замечательная.

(Ленинградский Дом писателей, 1984)

Q: *What do you value most: popularity or independence?*

A: Well, it's absurd to value popularity. As a poet [Nikolai Dorizo] once said:

Popularity's fickle and playful,
So it's been since the creation of life.
Only fame is eternally faithful,
But a widow is she, not a wife.

So there's no sense in fussing about popularity. Whereas independence is a wonderful thing.

(Leningrad House of Writers, 1984)

ПИРАТСКАЯ ПЕСНЯ

Accompaniment

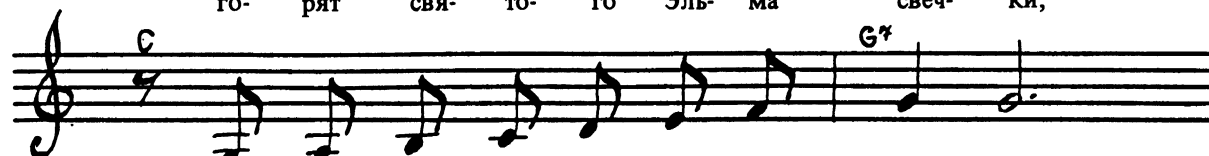
Allegretto

1. В ночь пе- ред бу- ре- ю на мач- те

го- рят свя- то- го Эль- ма свеч- ки,

о- то- гре- ва- ют на- ши ду- ши

за все про- шед- ши- е го- да. Ког- да во- ро- тим- ся мы

в Порт- ленд, мы бу- дем крот- ки, как о- веч- ки,

да толь- ко в Порт- ленд во- ро- тить- ся

нам не при- дет- ся ни- ког- да. Ког- да во- ро- тим- ся мы

2. E7 Am

нам не при-дет-ся ни-ког-да.

* in stanzas 2, 3, 4

C G7 C G7 C G7

2. Что ж, ес-ли в Порт-ленд нет воз-вра-та, —
пус-кай ве-дет нас чер-ный па-рус,
пусть бу-дет сла-док ром я-май-ский,
все ос-таль-но-е — е-рун-да. Ког-да во-ро-тим-ся мы

THE PIRATE SONG

(from the movie "From the Life of the Chief of the Criminal Investigation Department")

1. The night before a storm, as usual, somebody lights St. Elmo's candles.
Those candles soften our souls for all the years gone down the drain.
When we return to our Portland we will be meek like little lost lambs,
but sweet old hometown Portland we're destined not to see again.
2. Well, if we can't come back to Portland, let Jolly Roger lead us out.
Let the Jamaican rum taste good now, the rest is nonsense, that is plain.
When we return to our Portland I will repent my sins aloud,
but sweet old hometown Portland we're destined not to see again.
3. Well, if we can't come back to Portland, then let fat merchants die of fear,
for neither gods nor devils now can save their ships with gold and grain.
When we return to our Portland I'll kiss the gallows, do you hear?
But sweet old hometown Portland we're destined not to see again.

ПИРАТСКАЯ ПЕСНЯ

(из кинофильма «Из жизни начальника уголовного розыска»)

1. В ночь перед бурейю на мачте горят святого Эльма свечи,
отогревают наши души за все прошедшие года.
Когда воротимся мы в Портленд, мы будем кротки, как овечки, 2 раза
да только в Портленд воротиться нам не придется никогда.
2. Что ж, если в Портленд нет возврата, — пускай ведет нас
черный парус,
пусть будет сладок ром ямайский, все остальное — ерунда.
Когда воротимся мы в Портленд, клянусь, я сам во всем
покаюсь,* 2 раза
да только в Портленд воротиться нам не придется никогда.
3. Что ж, если в Портленд нет возврата, — пускай купец помрет со
страху:
Ни Бог, ни дьявол не помогут ему спасти свои суда.
Когда воротимся мы в Портленд, клянусь, я сам взбегу на
плаху, 2 раза
да только в Портленд воротиться нам не придется никогда.

*Вариант: ей Богу, я во всем покаюсь

4. Well, if we can't come back to Portland, then we'll divide the gold
like brothers,
because somebody else's money won't come without hard work
and pain.
When we return we'll hug the judges like our long lost loving
mothers,
but sweet old hometown Portland we're destined not to see again.

When we return, our Portland will greet us like a loving mother,
but may our Lord Almighty help us never to see that place again!

4. Что ж, если в Портленд нет возврата, — поделим золото, как
брatья,
поскольку денежки чужие не достаются без труда.
Когда воротимся мы в Портленд, мы судьям кинемся в
объятья,
да только в Портленд воротиться нам не придется никогда!

Когда воротимся мы в Портленд, нас примет родина в объятья,
но только в Портленд воротиться не дай нам Боже никогда!

— *Как вы относитесь к современной музыке? Я имею в виду музыку, популярную среди молодежи, как, например, диско, рок и тому подобное.*

— Я очень плохо разбираюсь в этих вопросах, ничего вам не могу сказать, потому что я предпочитаю классическую музыку сам. Не могу сказать, что вся молодежь в основном увлекается музыкой диско и рок. Я знаю многих молодых людей, которые любят и классику, и другие жанры в музыке. Все, что делается хорошо и талантливо и все, что первично, — по-моему, прекрасно. Например, когда появились Битлз, это было открытием в искусстве, и потому, наверное, это произвело такое большое впечатление на мир. И потому, наверное, возникло такое количество подражаний. Но всякое подражание — это вторично и уже не интересно. И когда я теперь иногда вижу по телевизору случайно какие-то наши ансамбли (я их не знаю, к сожалению), которые одеты под Битлз, и гитары такие же, и манера исполнения, а поют, допустим, «Полюшко-поле» или что-нибудь в этом роде — это смешно все, кому это нужно...

(Ленинградский Дом писателей, 1984)

Q: What is your opinion of contemporary music? I mean the popular music of young people, such as disco, rock-and-roll, etc.

A: I really don't feel comfortable discussing that issue, since I personally prefer classical music. As a matter of fact, I don't think *all* young people like disco and rock-and-roll. I know many young people who enjoy classical and other kinds of music. I admire everything that is done with talent and originality. For example, the Beatles' artistic discoveries were completely new; that is probably why they made such a powerful impression on the entire world. That's also probably why there have been so many imitations. But each imitation is unoriginal, and therefore uninteresting. For instance, on television sometimes I see our musical groups, whose members are dressed like the Beatles, performing with the same style and the same guitars, and singing, for instance, "Polyushko-pole," ["A Little Field," a popular Soviet song composed by Lev Knipper in 1936], or something like that. That seems ridiculous to me... Who needs it?

(Leningrad House of Writers, 1984)

С участниками КСП (Клуба студенческой песни): Ю. Ким, В. Долина, В. Егоров и др.
With members of the Student Song Club: Yu. Kim, V. Dolina, V. Yegorov and others.

— *Будьте добры, несколько слов о французском диске.*

— Я сказал как-то в одном интервью, что во Франции предполагается выпустить мой диск, на котором на одной стороне буду я петь новые песни свои, а на второй стороне два французских шансонье будут петь мои старые песни на французском языке. Предполагается, что это будут Максим Форестье и Серж Реджиани. Ну, я свою половину записал, еще находясь там. А как там дальше развиваются дела, я не знаю. Ну, наверное получится что-нибудь, но вы-то этого не узнаете...

(Ленинградский Дом писателей, 1984)

Q: Please tell us a few words about your French record.

A: In an interview I once referred to a record of mine that they are planning to release in France: on one side I will sing my new songs, and on the other side two French singers will sing my old songs in French... most likely Maxime le Forestier and Serge Reggiani. Well, I recorded my half when I was over there. I have no idea what's happening now. Probably something will come out of this, but you won't ever find out about it...

(Leningrad House of Writers, 1984)

— Любопытно знать ваше отношение к творчеству Жанны Бичевской, Александра Дольского.

— Бичевская, по-моему, человек очень интересный. У нее такая, знаете, узкая профессионализация — она исполняет в основном русские народные песни и делает это очень умело и хорошо. Она очень одаренный от природы человек, прекрасно владеющий инструментом [гитарой], со вкусом, строго относящийся к своему репертуару, это очень хорошо. И у нее уже очень большой круг почитателей, она довольно известна, у нее за границей много дисков.

Что касается Дольского, я очень хорошо отношусь к Дольскому, как к человеку, но к его творчеству... я пока ничего не могу о его творчестве серьезного сказать, потому что для меня лично он не открылся пока как явление в литературе, пока нет. Но будем надеяться. Все впереди. Он человек молодой. Значит, при определенном усердии, старании и желании — конечно...

(Ленинградский Дом писателей, 1984)

Q: I am curious to know your opinion of the work of Zhanna Bichevskaya and Alexander Dolsky.

A: Bichevskaya is a very interesting person in my opinion. She concentrates her work in a very specific area, generally Russian folk songs, which she sings very skillfully. She has natural gifts, plays the guitar very well, with good taste, and has a strict attitude toward her repertoire. And she already has quite a large circle of admirers. She is rather well-known; in fact many of her records have appeared abroad.

As far as Dolsky is concerned, I have a very high opinion of him as a man, but as an artist... For the time being I can't say anything really serious about his work because, in my opinion, he hasn't proven himself as a literary phenomenon yet. Let's hope. Anything can happen. He's a young man, therefore with diligence, effort, and desire, of course...

(Leningrad House of Writers, 1984)

С Гр. Гориным (Ленинград, 1980 г.).
With G. Gorin (Leningrad, 1980).

С польским актером Даниэлем Ольбрыхским.
With the Polish actor Daniel Olbrychski.

ЖИЗНЬ БЫЛА ПРЕКРАСНА, СУДЯ ПО ДОКЛАДАМ

LIFE WAS WONDERFUL, JUDGING FROM THE REPORTS

ЕЩЕ РАЗ О ДУРАКАХ

Accompaniment (in the a minor episodes)

Allegretto

1. Ан- тон Пав- ло- вич Че- хов од- наж- ды за-
 -ме- тил, что ум- ный лю- бит у- чить- ся, а ду- рак — у-
 -чить. Сколь- ких ду- ра- ков в сво- ей жиз- ни я
 встре- тил, мне дав- но по- ра у- же ор- ден по- лу-
 -чить. Ду- ра- ки о- бо- жа- ют со- би- рать- ся
 в ста- ю, впе- ре- ди — Глав- ный во всей кра-
 -се. В дет- стве я ве- рил, что од- наж- ды

вста- ну, — а ду- ра- ков не- ту: у- ле- те- ли
 все. Ах, дет- ски- е сны мо- и, — ка- ка- я о-
 -шиб- ка! В ка- ких об- ла- ках я по глу- пос- ти ви-
 -тал! У при- ро- ды на ус- тах ко- вар- на- я у-
 -лыб- ка... Ви- ди- мо, че- го - то я не рас- счи-
 -тал. 2. А ум- ный во- ди- но- чест- ве гу- ля- ет кру-
 -га- ми, он це- нит о- ди- но- чест- во пре- вы- ше все-
 -го. И е- го- так про- сто взять го- лы- ми ру-
 -ка- ми, ско- ро их по- вы- ло- вят всех до од- но-

-го. Ког- да ж их . всех по- вы- ло- вят, на- сту- пит э-
 -по- ха, ко- то- ру- ю не вы- ду- мать и не о- пи- сать. С ум- ным
 взять? Ду- ра- ком быть вы- год- но, да о- чень не
 хо- чет- ся. Ум- ным — о- чень хо- чет- ся, да кон- чит- ся бить-
 -ем. У при- ро- ды на ус- тах ко- вар- ны- е про-
 -ро- чест- ва... Но мо- жет быть, ког- да- ни- будь к сред- не- му при- дем.

ONCE MORE ABOUT FOOLS

(from the movie "From the Life of the Chief of the Criminal Investigation Department")

1. The famous Mr. Chekhov once wrote in his notes that a smart man likes to learn, a fool likes to teach. Over the years I've met fools by loads. I think I've set a record no one could reach.

What fools enjoy most is getting into crowds.
The leader is in front, contentment in his pose.
I believed for years—some day I'll straighten out,
and the fools are gone, just melted I suppose.

Oh, childish dreams of mine, what a mistake!
I've been woolgathering, silly and soft.
A smile on nature's lips is that of a snake,
my calculations must've been way off.

2. A smart man walks alone, in circles unending,
his privacy the most important thing under the sun.
And it is so easy to catch him barehanded.
Soon they'll be plucked out, every single one.

When they are plucked out there'll be a new era.
You could not imagine or describe it now.
Smart men are too much trouble; fools are too dreary.
We need to find a middle for ourselves, but how?

You would hate to be a fool, though it's safe and easy.
To be smart is what you'd love,
but then you'll end up whipped.
The prophesy on nature's lips sounds mean and teasing,
but perhaps some day we'll come to a middle we can keep.

ЕЩЕ РАЗ О ДУРАКАХ

(Из кинофильма «Из жизни начальника уголовного розыска»)

1. Антон Павлович Чехов однажды заметил, что умный любит учиться, а дурак — учить. Скольких дураков в своей жизни я встретил, мне давно пора уже орден получить.

Дураки обожают собираться в стаю,
впереди — Главный во всей красе.
В детстве я верил, что однажды встану,
а дураков нету: улетели все.

Ах, детские сны мои, — какая ошибка!
В каких облаках я по глупости витал!
У природы на устах коварная улыбка...
Видимо, чего-то я не рассчитал.

2. А умный в одиночестве гуляет кругами,
он ценит одиночество превыше всего.
И его так просто взять голыми руками,
скоро их повыловят всех до одного.

Когда ж их всех повыловят, наступит эпоха,
которую не выдумать и не описать.
С умным хлопотно, с дураком плохо,
нужно что-то среднее — да где ж его взять?

Дураком быть выгодно, да очень не хочется.
Умным — очень хочется, да кончится битьем.
У природы на устах коварные пророчества...
Но может быть когда-нибудь к среднему придем.

У Чехова в записных книжках есть такая фраза: «Умный любит учиться, а дурак — учить»...

In Chekhov's notebooks there is a phrase: "A wise man likes to learn and a fool to teach."

РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ ВРЕМЕНИ УПАДКА

Allegretto

Рим- ска- я им- пе- ри- я вре- ме- ни у-

-пад- ка со- хра- ня- ла ви- ди- мость

твер- до- го по- ряд- ка. Глав- ный был на

мес- те, со- рат- ни- ки ря- дом, жизнь бы- ла пре-

-крас- на, су- дя по док- ла- дам. А

кри- ти- ки ска- жут, что сло- во со- рат- ник — не

Em Em A7
 рим- ска- я де- таль, что э- та о- шиб- ка- всю
 A7 D F#7
 пе- сен- ку смыс- ла ли- ша- ет.
 Bm B7
 Мо- жет быть, мо- жет быть, мо- жет и не рим- ска- я, не
 Em Em Bm
 жаль, мне э- то сов- сем не ме- ша- ет, и
 F#7 Bm
 да- же ме- ня воз- вы- ша- ет.

THE ROMAN EMPIRE IN DECLINE

- The Great Roman Empire, in her declining years, maintained the most perfect, most orderly appearance. The leader looked impressive with his comrades and abettors, official news declared life couldn't have been better.

"'Comrade' is a word that does not belong in Rome!" cried critics in dismay.

"This word alone strips your poem of meaning completely!" They are right, I'm sure, it's not a Roman word; but that's okay. My slip even helps me a little. I now make my point discreetly.
- Young men of the empire, in her declining years, dreamed of guns and fighting with hopes and fears. They dreamed about trenches and men with fierce faces. They saw themselves in Europe and Pamirs of all places.

"Trenches and guns—do you know what you are saying?!" cried critics in dismay.

"Those two words strip your poem of meaning completely!" They are right, I'm sure, those aren't Roman words; but that's okay. My slip even helps me a little. I now make my point discreetly.

РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ ВРЕМЕНИ УПАДКА

- Римская империя времени упадка сохраняла видимость твердого порядка. Главный был на месте, соратники рядом, жизнь была прекрасна, судя по докладам.

А критики скажут, что слово соратник — не римская деталь, что эта ошибка всю песенку смысла лишает. Может быть, может быть, может и не римская, не жаль, мне это совсем не мешает, и даже меня возвышает.
- Юношам империи времени упадка снились постоянно то скатка, то схватка. То они в атаке, то они в окопе, то вдруг на Памире, а то вдруг в Европе.

А критики скажут, что скатка, представьте, не римская деталь, что эта ошибка всю песенку смысла лишает. Может быть, может быть, может и не римская, не жаль, мне это совсем не мешает, и даже меня возвышает.

3. Plebes of that empire, declining and unstable,
spent days eating hog food, spent nights under the table.
On mornings of hangover for pickles they were whining.
Perhaps they didn't know their country was declining.

"But didn't you know that ancient Rome had no pickles?" cried critics
in dismay.

"This word alone strips your poem of meaning completely!"
They are right, I'm sure, it's not a Roman word; but that's okay.
My slip even helps me a little.
I now make my point discreetly.

4. Girls lived in that empire, which kept on declining.
Only for them the clouds had some silver lining.
All the roads were open—down with old decorum.
They could start careers—or ascend the Forum.

"Forum, ah Forum, now that's distinctly Roman," my happy
critics said.

"See, how just one word can make the whole song sound better!"
They are right, I'm sure, it is distinctly Roman; that's too bad.
I'm bothered by those five letters,
They totally ruin the matter!

3. Мужики империи времени упадка
ели, что достанут, напивались гадко.
А с похмелья каждый на рассол был падох —
видимо, не знали, что у них упадок.

А критики скажут, что слово рассол, мол,
не римская деталь,
что эта ошибка всю песенку смысла лишает.
Может быть, может быть, может и не римская,
не жаль,
мне это совсем не мешает,
и даже меня возвышает.

4. Женщинам империи времени упадка —
только им, красавицам, доставалось сладко.
Все пути открыты перед ихним взором,
хочешь — на работу, а хочешь — на форум.

А критики хором: ах, форум, ах, форум, —
вот римская деталь!
Одно лишь словечко, а песенку как украшает!
Может быть, может быть, может быть и римская,
а жаль,
мне это немного мешает,
и замысел мой разрушает.

— Думаю, что для советских людей вашего поколения интернационализм более естественен, более само собой разумеющееся понятие, чем для тех, кто помоложе. Ведь ваше поколение выковано Великой Отечественной войной.

— Не надо идеализировать мое поколение! У него есть свои достоинства, но немало и пороков. Что же касается того, что нас сформировала, выковала Великая Отечественная война, то это просто легенда. И вообще: не было никакой Великой Войны. Была просто война. Великим может быть народ и его дела. Но не война, не бойня. Не кровавая мясорубка, не смерть. Это была не Великая, а Ужасная Война. Мерзкая Война. Она опустошила наши души, сделала нас жестокими. Нам пришлось стать взрослыми раньше времени, нам пришлось пройти через страшные испытания — это отнюдь не лучшее, что может случиться с человеком. Это не предмет гордости, это не заслуга.

(Из интервью венгерской литературной газете «Элет Эш Иродалом», 9 декабря 1983. Русская публикация: «Обозрение», №8, февраль 1984, перевод с венгерского А. Гершкович).

Q: *I think that internationalism is more natural and more self-evident for Soviet people of your generation than for those who are younger. After all, your generation has been forged by the Great Patriotic war.*

A: Don't idealize my generation! It has its virtues but also its vices. And the notion that we were formed, forged by the Great Patriotic war is just a legend. Actually, there was no Great War. There was simply a war. Only people and their deeds can be called great. Not war. Not slaughter. Not a bloody massacre, not death. It was not a Great but a Terrible War. Vile War. It ravaged our souls and made us cruel. We were forced to become adults before our time; we were forced to go through terrible ordeals—it is by no means the best thing that can happen to a man. It's not a matter of pride, it's not meritorious.

(From an interview for a Hungarian literary newspaper *Élet És Irodalom*, December 9, 1983. Published in Russian in *Obozrenie*, No. 8, February 1984. Translated from Hungarian to Russian by A. Gershkovich).

Во время съемок фильма «Женя, Женечка и Катюша» (1965 г.).
During the filming of the movie "Zhenya, Zhenechka and Katyusha" (1965).

МИНИСТЕРСТВО СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ

THE MINISTRY OF THE WRITERS' UNION

Our century, noble and mighty
placed sparks of pride in our breasts.
Russia gave a hard time to her writers:
Dostoevskys, Tolstoys and the rest.

They were, every one, weak and alone,
didn't know where to turn each day.
Their wicked old century was prone
to throwing obstacles on their way.

Almost on the edge of extinction,
in some godforsaken old hole
they had no help, no distinction,
they just wrote, very glad to be whole.

They held no gatherings for noisy drinkers,
had no artistic connections at all.
That's why our bright modern thinkers
made up a union, and had them enrolled.

Then dead waters were suddenly rippling,
wheels were turning, first slow, then fast.
Writers were doubling and tripling—
each new one of less use than the last.

As if from children's books' colored pages
almost sweeping the viewer off his feet
came down bosses with their high wages,
rows of offices, square and neat,

guards, deputies, drivers emerged at once,
and secretaries to answer all calls,
and writers: the most important ones
and less important ones, goddamn them all.

In the main hall, shining its golden crust,
so that none can escape if he tries,
a bait for foreigners, just as it is for us,
full of lust and desire, a pie lies.

And forgetting all petty old bothers
each one with his own war cry
pushes enemies off to get closer
and tear off a piece of that pie.

What I keep expecting I know not,
but, astonished, the fact I must face
that I, too, pick up crumbs, golden fried and hot
and with hope I come to the place

where the Department of the Union of Writers
for millions of readers to see
stands proudly like Aphrodite
who stepped out of the foam of a sea.

МИНИСТЕРСТВО СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ

Век двадцатый явился спасателем,
потому и гордимся мы им.
Было трудно в России писателям —
достоевским и разным толстым.

Были все одиноки, разрознены
и не знали, куда им идти,
да и время зловредными кознями
поперек становилось пути.

И на грани почти вымирания,
где-нибудь в захолустной глуши
ни защиты тебе, ни внимания —
исповедайся, знай, да пиши.

Чужды были им сборища шумные,
обходились без творческих уз.
И поэтому головы умные
их собрали в единый союз.

Всё вдруг ожило, всё вдруг устроилось,
всё наладилось, только бы жить.
И писателей сразу утроилось,
так что есть кем кого заменить.

И, как будто в счастливом рашнике,
замелькали — спасения нет —
и начальники, и их помощники,
что ни комната — то кабинет.

И шоферы, и замы исправные,
секретарши и секретари,
и писатели — самые главные
и не самые, черт их дери.

В главном зале, под коркою глянцевой,
чтоб никто отвертеться не смог,
перед кровными и иностранцами
вожделенно разлегея пирог.

И, забывши всё мелкое, личное,
каждый — сам, оттеснивши врага,
ищет место себе поприличнее,
чтоб урвать от того пирога.

Я не знаю, на что и рассчитываю,
но с большим удивленьем гляжу,
как я сам от той корки отщипываю
и с надеждой туда прихожу,

где на радость миллионам читателей,
будто выйдя из пены морской
Министерство Союза Писателей
возвьшается на Поварской.

— *Очень хотелось бы услышать, кого вы считаете вашими учителями.*

— Если говорить о прозе, мои учителя это — Гофман, Толстой, Пушкин, Владимир Набоков. Если говорить о поэзии — это Пушкин, Борис Пастернак, Заболоцкий, Анна Ахматова.

(Ленинградский Дом писателей, 1984)

Q: *Who do you consider your teachers?*

A: In prose my teachers are Hoffmann, Tolstoy, Pushkin, and Nabokov. As for poetry—Pushkin, Boris Pasternak, Zabolotsky, and Anna Akhmatova.

(Leningrad House of Writers, 1984)

— *Вы назвали среди своих учителей Пастернака. Было ли это учение заочным или очным? Если были личные встречи с Борисом Леонидовичем...*

— Ну, это длинная история. Я с Пастернаком был знаком очень шапочно. Я был студентом в Тбилисском университете. Он приехал в Тбилиси в трудную для себя пору жизни, очень... и грузинские писатели устроили ему вечер, в его пользу, так сказать. Это был, по-моему, 1948 год. Трудно было очень тогда ему. Ну, а я писал стихи, очень плохие, подражательные, и я попытался к нему пробраться в гостиницу, и пробрался. И он меня принял. Я пришел к нему в номер. Он спросил, для чего я пришел. Я сказал: «Вот я пишу стихи, и я хочу поступить в литературный институт (а я учился в университете) и не знаю, стóит или нет».

Я стал читать стихи, он смотрел в окно и абсолютно не реагировал ни на что. Ни разу он не пошевелил бровью, ему это все было не интересно. Слава Богу, стихов было мало, я прочитал их все, понял, что я не то прочитал... А потом он начал говорить о литературном институте. Что он говорил — я сейчас не помню и сожалею, что, когда я вышел оттуда, я не записал сразу же его слова. Но он мне единственное сказал, что я запомнил: «Если вы учитесь в университете, то вам не нужно идти в литературный институт. Литературный институт — это гениальная ошибка Горького. Он сам хотел, чтобы дети из простонародья получали литературное образование, он был сам таким, и ему казалось, что можно человека сделать писателем в литературном институте. Ну, и жизнь показала потом, что много очень одаренных писателей не имеют никакого отношения к литературному институту, и очень много плохих писателей вышли из литературного института. Все это зависит от самого человека, а не от заведения, где он учится».

Ну, а больше я с Пастернаком не встречался. Но я его всегда любил и по-настоящему я его стал понимать уже очень поздно. По-настоящему...

(Ленинградский Дом писателей, 1984)

Q: You named Pasternak as one of your teachers. Was your course “by correspondence,” so to speak, or through a personal encounter?

A: Well, it’s a long story. I only knew Pasternak superficially. I was a student at the University of Tbilisi. He came to Tbilisi during an extremely difficult time of his life. So the Georgian writers had arranged a reading for him that would help him financially. It was in 1948, I think. Things were very difficult for him then. Well, I was writing terrible, imitative poems. I attempted to sneak into his hotel, and succeeded. And he received me. I went to his hotel room and he asked why I had come. I said, “I write poetry, and I want to enter the [Moscow] Literary Institute (I was studying at the University of Tbilisi), but I don’t know if it’s worth it.” And he said, “Well, read your poems to me.”

I began to read my poems; he was looking out the window and didn’t react at all. He was so bored that he didn’t once raise his eyebrows. Thank God, there weren’t many poems; I read them all, then realized that I probably shouldn’t have. After that he began to talk about the Literary Institute. I don’t remember now what he said, and I regret that I didn’t write down his words the minute I’d left the room. The only thing I can remember of what he said is: “If you are studying at the university, then you don’t need to go to the Literary Institute. The Literary Institute is Gorky’s brilliant mistake. He wanted children from the lower classes to receive a literary education, since he himself was from the lower classes, and he thought it possible to create writers in a Literary Institute. Well, later life has shown us that many very gifted writers have nothing to do with the Literary Institute, while many terrible writers have been trained there. Everything depends on the person himself, not on the institute where he studies.”

Well, I never talked with Pasternak again after that. But I have always loved him, although I didn’t really begin to understand him until very late.

(Leningrad House of Writers, 1984)

— Есть ли для вас разница в создании стихов как литературного жанра и стихов к песням?

— Нет, вы знаете, я пишу сначала стихи и вообще не думаю о песне. А потом некоторые стихи вдруг... вдруг хочется петь, появляется мелодия, появляется так называемая песня. Но это не совсем песня, это просто способ исполнения своих стихотворений. Потому что песня чаще всего пишется на музыку. Знаете, набор слов такой. И одно время даже была пародия такая на молодежную песню, очень смешная. А. Раскин и М. Слободской написали. Она такая была:

*Едем, едем, едем, едем и приедем.
Расскажи соседям про далекий путь.
Ох да эх какие светло-голубые,
Едем, молодые, весело взглянуть.*

Вот по этому трафарету многие песни создаются.

(Ленинградский Дом писателей, 1984)

Q: *Do you see a difference between the creation of poetry as a literary genre and as a genre intended to be sung?*

A: No. In the beginning I write poems without thinking about the music. Then later some of the poems suddenly... suddenly want to sing, and a melody appears, a so-called song. But it isn't exactly a song, it's simply a way of performing my poems. After all, popular lyrics are usually written to music that has already been composed. And the result is a meaningless arrangement of words. A. Raskin and M. Slobodskoi even wrote a very funny parody of a Soviet youth song:

Go, go, go, yahoo, here we come now!
Go tell the neighbors about this merry ride.
Ain't we so pretty—blue and golden brown,
Young and strong, we'll go take a look inside.

Many songs are created according to this pattern.

(Leningrad House of Writers, 1984)

С друзьями под Москвой (1982 г.).
With friends near Moscow (1982).

Пушкинские дни в Калужской области (1982 г.).
At the Pushkin Festival in the Kaluga region (1982).

— *Какие качества в человеке вы цените выше всего?*

— Я уже говорил: умение самостоятельно мыслить и способность жить, строить свое благополучие не за счет благополучия другого.

(Ленинградский Дом писателей, 1984)

Q: *What qualities in a person do you value most of all?*

A: I already said: the ability to think independently and the ability to live and achieve happiness without disrupting other people's happiness.

(Leningrad House of Writers, 1984)

**ПОЭТУ НАСТОЯЩЕМУ СПАСИБО,
РУКЕ ЕГО, БЕЗУМИЮ ЕГО**

**A REAL POET IS A GIFT FROM HEAVEN,
BE GRATEFUL FOR HIS HAND, FOR HIS MADNESS**

О ВОЛОДЕ ВЫСОЦКОМ

Accompaniment

Am E7 Am E7 E7

О Во-ло-де Вы-соц-ком я пес-ню при-ду-мать ре-шил:
вот е-ще од-но-му не вер-нуть-ся до-мой из по-
хо-да. Го-во-рят, что гре-шил, что не
к сро-ку све-чу за-ту-шил... Как у-мел, так и
жил, а без-греш-ных не зна-ет при-ро-да.

Final ending

Am Am Dm

Бе-лый а-ист мос-ков-ский на бе-ло-е не-бо взле-тел,

чер- ный а- ист мос- ков- ский на чер- ну- ю зем- лю спус-
-тил- ся. // чер- ну- ю зем- лю спус- тил- ся.

SONG OF VLADIMIR VYSOTSKY

For Marina Vladimirovna Polyakova

1. To sing you a song of Vladimir Vysotsky I came.
Here is yet one more who will never return to his hearth.
He sinned, people say, untimely he put out his flame...
He lived as he knew, there are no saints on this earth.
2. Our parting is short, it will seem like a moment, and then
his fresh trail we will follow after a very short while.
Let his coarse voice enter the homes of Moscow men,
and again we will weep with his songs, and again we will smile.
3. Of Vladimir Vysotsky I wanted to sing you a song,
but my hands trembled hard, and the music agreed not with
words...
A white Moscow stork into the white skies was gone,
a black Moscow stork came down to the black world.

О ВОЛОДЕ ВЫСОЦКОМ

Марине Владимировне Поляковой

1. О Володе Высоцком я песню придумать решил:
вот еще одному не вернуться домой из похода.
Говорят, что грешил, что не к сроку свечу затушил...
Как умел, так и жил, а безгрешных не знает природа. 2 раза
2. Ненадолго разлука, всего лишь на миг, а потом
отправляться и нам по следам по его по горячим.
Пусть кружит над Москвою охрипший его баритон,
ну а мы вместе с ним посмеемся и вместе поплачем. 2 раза
3. О Володе Высоцком я песню придумать хотел,
но дрожала рука и мотив со стихом не сходился...
Белый аист московский на белое небо взлетел,
черный аист московский на черную землю спустился. 2 раза

— Ваше отношение к Высоцкому?

— Отношение у меня к Высоцкому самое высокое. Я это впоследствии, когда буду выступать, продемонстрирую. Но я могу сказать, что Высоцкий — это очень яркое, очень большое, значительное явление в нашей отечественной культуре, и преждевременная смерть его, конечно, большая трагедия. Мы когда-нибудь по-настоящему это осознаем еще и поймем.

(Ленинградский Дом писателей, 1984)

Q: *What is your opinion of Vysotsky?*

A: I have a very high opinion of Vysotsky. I'll show you this later on, during my performance. But for the moment I'll simply say that Vysotsky is a very important, meaningful, and brilliant phenomenon in our culture. Of course his untimely death was a terrible tragedy. Someday we will finally understand his enormous significance.

(Leningrad House of Writers, 1984)

КАК НАШ ДВОР НИ ОБИЖАЛИ

Accompaniment

Moderato

Как наш двор ни оби-

-жа- ли, — он в клас-си-чес-кой по- ре. С ним те-

-перь у- же не спра- вить- ся, хоть он и бе- зо-

-ру- жен. А там Во- ло- дя во дво- ре,

а е- го стру- ны в се- реб- ре, а е- го

паль- цы — зо- ло- ты- е, го- лос е- го

ну- жен. А там Во- ло- дя во дво- ре, а е- го

Музыкальный фрагмент с нотами и русскими текстами:

стру- ны в се- ре- бре, а е- го паль- цы зо- ло- ты- е,
 го- лос е- го ну- жен.
Final ending
 воз- да- ют по чи- ну. Ведь мы вос-
 -пе- ли ко- ро- лей от Ар- ба- та до Фи- лей, пусть о-
 -ни те- перь по- э- ту воз- да- ют по чи- ну.

Музыкальные обозначения: G, Em, A7, D, *ritardando*.

С поэтом М. Квливидзе (1978 г.).
 With the poet M. Kvlividze (1978).

THOUGH THEY REALLY HURT MY COURTYARD

1. Though they really hurt my courtyard, it is now in full bloom.
They can't abuse it now, though it's been unarmed since long ago.
Vladimir walked down from his room,
his voice protects us all from doom,
his fingers are golden, and the strings of his guitar have a silver glow.
2. Though they fought with his guitar, the sound of strings grew louder still.
Though they watered the wine of verse, it grew still stronger.
And who left of his own will,
and who stole the loot with skill—
everything is mixed and can't be sorted out any longer.
3. Someone still must not be happy with his voice, coarse and stern.
Someone still would love to try and sweeten up his songs with honey.
But then his songs could never burn,
they carry both wisdom and scorn,
and the more one tries to hurt them, the stronger they're becoming.
4. Let us not waste any tears, our sadness is in vain.
Let us keep in mind instead all reasons and excuses,
for we praised kings now and again,
sophisticated ones and plain,
it is now their turn to honor poets and muses.

КАК НАШ ДВОР НИ ОБИЖАЛИ

1. Как наш двор ни обижали, — он в классической поре.
С ним теперь уже не справиться, хоть он и безоружен.
А там Володя во дворе,
а его струны в серебре.
а его пальцы — золотые, голос его нужен.
2. Как с гитарой ни боролись, — распаялся струнный звон.
Как вино стихов ни портили, — все крепче становилось.
А кто сначала вышел вон,
а кто потом украл вагон, —
все теперь перемешалось, все объединилось.
3. Может, кто и нынче тоже хрипоте его не рад.
Может, кто намеревается подлить в стихи еляя.
А эти песни не горят,
они в воздухе парят,
чем им делают большее, тем они сильнее.
4. Что ж печалиться напрасно: нынче слезы лей — не лей,
но запомним хорошенечко и повод, и причину:
ведь мы воспели королей
от Арбата до Филей,
пусть они теперь поэту воздают по чину. 2 раза

Сейчас я спою еще одну песню, имеющую отношение к Высоцкому... Там есть такая строчка: «А кто сначала вышел вон, а кто потом украл вагон...» Это к тому, что когда вышел тираж [книги «Нerve»] Высоцкого, он почему-то никак не поступал в магазины. И пошел слух, что украли вагон с книжками...

Now I'll sing one more song which relates to Vysotsky... One line reads: "And who left of his own will, and who stole the loot with skill..." It refers to Vysotsky's book, The Nerve, which did not appear in the bookstores until some time after it was printed. A rumor started that a railway car with all the copies had been stolen.

— *Что вы можете сказать по поводу статьи Станислава Куняева в «Литературной газете», где проводится мысль, что творчество Высоцкого распадается на две части, якобы не совместимые по своим художественным и нравственным достоинствам? И в целом — ваше отношение к дискуссии в «Литературной газете»?*

— Видите, какая вещь с Куняевым произошла. Куняев, в общем, человек способный как поэт, но мне кажется — не больше того. А замах у него и представление о себе самом было больше. Пьедестал, на который он себя поставил, был выше его способностей. В один прекрасный день он понял, что что-то не получилось, и он решил стать ниспровергателем и, может быть, таким образом войти в литературу. И он ниспровергал всех известных и удавшихся, стал... ну, не могу сказать «поливать грязью», но стал, в общем, как-то очень негативно их расценивать. Что же касается Высоцкого, тут тоже есть какой-то элемент недоброжелательства. Видимо, потому, что вот, представьте себе, Куняев считал себя большим поэтом и не стал известным, а Высоцкий, как утверждает он, поэт средний, слабый, а вот стал известен широко. И это его мучает и беспокоит. Да... Я думаю, что особенно детально в этом разбираться не следует. Это обычное явление в жизни. Это было и 100 лет тому назад, и 1000 лет тому назад. Что касается дискуссии в «Литературной газете», то я должен вам признаться, что я не слежу с интересом за этими дискуссиями. По-моему, это неинтересно, нужно заниматься делом. По-моему, это неинтересно.

(Ленинградский Дом писателей, 1984)

Q: What can you tell us about Stanislav Kunyaev's article in Literaturnaya Gazeta, where he claimed that the work of Vysotsky can be divided into two parts which are artistically and ethically incompatible. And what is your opinion of the discussion launched by this article in the same newspaper?

A: Well, you see, this is what happened with Kunyaev. He is capable of writing poetry, but not more than that. His ambitions and self-image are much greater than his talents, and he has placed himself on a pedestal much higher than his own abilities deserve. One day he suddenly realized that he wasn't getting anywhere, so he decided that slandering other writers might facilitate his entrance into the realm of literature. He began to castigate all well-known and successful writers, and to, well, I couldn't say "smear," but, in general, to regard them negatively. And he is also hostile towards Vysotsky. If you can imagine this, Kunyaev considers himself a great poet, but he's never become famous, and he insists that Vysotsky is a weak and mediocre poet who for some reason has become widely known. This torments and worries Kunyaev... I think it's better not to go into the details. This happens all the time. It was happening one hundred years ago, and one thousand years ago. I must admit that I never follow discussions of this nature, like the one in *Literaturnaya gazeta*. In my opinion, it is a waste of time; there are more serious things to be doing.

(Leningrad House of Writers, 1984)

Accompaniment

Andante

E7 *E7*

Му-зы-кант иг-рал на скрип-ке —

Am *A7*

я в гла-за е-му гля-дел. Я не то чтоб лю-бо-пыт-ство-

Dm *Dm* *E7*

-вал — я по не-бу ле-тел. Я не то что-бы от ску-ки —

Dm *E7* *Am*

я на-де-ял-ся по-нять, как у-ме-ют э-ти

B7 *E7* *Am* *F*

ру-ки э-ти зву-ки из-вле-кать — из ка-кой-то де-ре-

Dm *E7* *Am* *F*

-вяш-ки, из ка-ких-то гру-бых жил, из ка-кой-то там фан-

Dm *E7* *Am* *F*

-та-зи-и, ко-то-рой он слу-жил? Да е-ще ведь на-до

Dm E7 Am F
 в ду- шу к нам про- ник- нуть и под- жечь... А че- го с ней це- ре-
 Dm E7 Am
 -мо- нить- ся? Че- го е- е бе- речь?
 Final ending
 Am F Dm E7
 -чу. Счаст- лив он, чей путь не- до- лог, паль- цы злы, смы- чок ос-
 Am F Dm E7
 -тер, му- зы- кант, со- о- ру- див- ший из ду- ши мо- ей кос-
 Am F Dm E7
 -тер. А ду- ша, уж э- то точ- но, е- же- ли о- бож- же-
 Am F Dm E7
 -на, спра- вед- ли- вей, ми- ло- серд- не- е и пра- вед- ней о-
 1. Am F 2. Am
 -на. Spra- вед- ли- вей, ми- ло- // -на.

THE MUSICIAN

For I. Shvarts

1. A musician was at work, and I was looking in his eyes.
 Not just idle curiosity—I was flying through the skies.
 It wasn't boredom—I was trying very hard to understand
 how could those magic sounds be created by these hands?—
 from some ridiculous old strings,
 a piece of wood with silly curves,
 the out of this world ideals he supposedly serves...
 But he must also reach out,
 touch my soul, set it ablaze...
 And why on earth should he be thinking of my soul when he plays?

МУЗЫКАНТ

И. Шварц

1. Музыкант играл на скрипке — я в глаза ему глядел.
 Я не то чтоб любопытствовал — я по небу летел.
 Я не то чтобы от скуки — я надеялся понять,
 как умеют эти руки эти звуки извлекать —
 из какой-то деревяшки, из каких-то грубых жил,
 из какой-то там фантазии, которой он служил?
 Да еще ведь надо в душу к нам проникнуть и поджечь...
 А чего с ней церемониться? Чего ее беречь?

2. Blessed the house
 where music flows and shows us the way,
gives us hope; and the rest somehow we'll manage day by day.
Blessed the violin pressed tightly to the shoulder of a man,
through whose skill and talent
 now through the skies I fly again.

Blessed be he, whose rise is brief,
 the fingers mercilessly swift.

The musician plays with fire; we cannot escape his gift.
And the soul—that's for sure, if it tasted flames just once
it becomes more just, compassionate; more human it becomes.

2. Счастлив дом,
где пенье скрипки наставляет нас на путь
и вселяет в нас надежды... Остальное как-нибудь.
Счастлив инструмент, прижатый к угловатому плечу,
по чьему благословению я по небу лечу.
Счастлив он, чей путь недолог,
пальцы злы, смычок остер,
музыкант, соорудивший из души моей костер.

А душа, уж это точно, ежели обожжена,
справедливей, милосерднее и праведней она. 2 раза

У композитора И. Шварца (1981 г.).
At the home of the composer I. Shvarts (1981).

— *Что составляет вашу гордость во всем, что вами сотворено?*

— Никакой гордости абсолютно. Я испытываю радость в процессе работы, небольшую радость по окончании, а потом начинаются сожаления и раскаяния. Так что, какая же гордость...

(Ленинградский Дом писателей, 1984)

Q: Of which of your writings are you most proud?

A: I'm not proud of anything whatsoever. I experience joy in the process of working, then much less joy at the end, and finally regrets and repentance. So what kind of pride is that?

(Leningrad House of Writers, 1984)

— *Писали ли на вас пародии, и ваше отношение к этому?*

— Да, писали довольно много пародий. Особенно усердствовал Саша Иванов. Он написал пять пародий. Но должен сказать, что они неудачные, потому что мы с ним большие друзья, он ко мне очень хорошо относится, и все его пародии — комплиментарного свойства. А пародия должна быть едкой. Едкой. Тут у него не получается пока что. Пока что... Ну, есть хорошие пародии у Юрия Левитанского на меня, очень удачные, по-моему. А вообще я отношусь к этому жанру в высшей степени благожелательно. Я получал записки из зала, очень часто возмущенные против Иванова, в защиту меня: «Как вы можете терпеть, это беспардонно...». Ну, это просто люди, которые не имеют чувства юмора и не понимают, что такое пародия.

(Ленинградский Дом писателей, 1984)

Q: Have people written parodies of you, and if so, how do you feel about this?

A: Yes, quite a few parodies have been written. Sasha Ivanov has been particularly zealous. He has written five parodies. But, I must say, they are failures because he and I are great friends. He holds a high opinion of me, so in fact all of his parodies are compliments. A parody should be caustic; his are not. However, Yuri Levitansky has written some good parodies of me. In my opinion, they are very successful. In general, I think very highly of this genre. I often receive notes from the audience which defend me indignantly against Ivanov: "How can you tolerate that impudence?" Well, these are simply people who have no sense of humor and don't understand what a parody is.

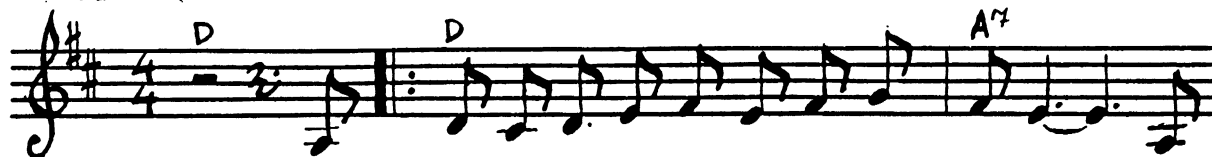
(Leningrad House of Writers, 1984)

КУЗНЕЧИК

Accompaniment

Moderato

1. Ну чем тебе по-тра-фить, мой куз-не-чик, ког-

-да твой стих про-стран-ство о-гла-сит? При-

-слу-шать-ся — он от скор-бей из-ле-чит, а

вслу-шать-ся — из мерт-вых вос-кре-сит. Ка-

-кой стру-ны ка-са-ешь-ся пре-крас-ной, что

тог-час за то-бой всту-па-ет хор, — та-

-ин-ствен-ный, воз-вы-шен-ный и

стра- стный, — тво- их зе- ле- ных бра- тьев и сес-

-тер? Та- ин- ствен- ный, воз- вы- шен- ный и

стра- стный, — тво- их зе- ле- ных бра- тьев и сес-

стра- стный, — тво- их зе- ле- ных бра- тьев и сес-

-тер? 2. Ка-// -э ту на- сто- я- ще- му спа-
3. По- А7

-си- бо, ру- ке е- го, бе- зу- ми- ю е-

-го и го- ло- су, ког-

-да, взле- тев до хри- па, он

до- сти- га- ет не- ба сво- е- го. И // -го.

*(in stanza 2)
Кри- чи и плачь — а- вось твой труд у- пор- ный

1. My green grasshopper, what is your desire?
When gentle winds carry your song ahead
its touch will throw sadness into fire,
its tight embrace will raise one from the dead.
- Where did you learn to play the magic music
whose beauty brings immediately in
that passionate, mysterious, elusive,
soft chorus of your brothers clad in green?
2. What miracle is soon to come before us,
to fall from the sky, to blossom from within,
that so easily, with your green chorus,
so loudly you now confess your sins?
- You are a poet, immortal, independent.
Upon the Earth the chosen cohorts walk.
But cry, and weep, and maybe your descendants
won't dare to look down at your work.
3. A real poet is a gift from Heaven.
Be grateful for his madness, for his hand,
and for his voice, so coarse, almost raving
when he can reach the clouds in the end.

1. Ну чем тебе погрозить, мой кузнечик,
когда твой стих пространство огласит?
Прислушаться — он от скорбей излечит,
а вслушаться — из мертвых воскресит.
- Какой струны касаешься прекрасной,
что тотчас за тобой вступает хор, —
таинственный, возвышенный и страстный,
твоих зеленых братьев и сестер? 2 раза
2. Какое чудо обещает скоро
слететь на нашу землю с высоты,
что так легко в сопровожденье хора,
так звонко исповедуешься ты?
- Ты тоже из когорты стихотворной,
из нашего бессмертного полка.
Кричи и плачь, авось твой труд упорный
потомки не оценят свысока. 2 раза
3. Поэту настоящему спасибо,
руке его, безумию его
и голосу, когда, взлетев до хрипа,
он достигает неба своего. 2 раза

— *Как вы относитесь к творчеству художника Ильи Глазунова и к нему лично?*

— Ну, лично я его знаю очень плохо. Художник он неплохой, живописец. Но слишком суетливый и очень заботящийся о своем публицити. Мне кажется, что это с искусством несовместимо. Я уже не говорю о том, что он иногда пользуется своим правом художника не с совсем благовидными целями. Так что, есть художники гораздо лучше, значительнее и ценнее, чем он.

(Ленинградский Дом писателей, 1984)

Q: What is your opinion of the painter Ilya Glazunov, as an artist and as a person?

A: Well, I barely know him personally. He's not a bad painter. But he is over-concerned with himself and his publicity. And I think that this is incompatible with art. Furthermore, he sometimes uses his position as an artist for dishonest purposes. There are many artists who are more valuable and significant than he is.

(Leningrad House of Writers, 1984)

С В. Долиной.
With V. Dolina.

— Мы знаем, что вы хорошо относитесь к творчеству Вероники Долиной. Скажите, если можно, о ней несколько слов.

— Вероника Долина — талантливый молодой поэт, который некоторые свои стихи исполняет на свою музыку под аккомпанемент гитары. Я о ней как-то писал... такие... теплые слова в журнале «Аврора», в вашем ленинградском журнале. И считаю, что не ошибся. Она очень серьезно относится к тому, что она делает. Не суетится, и часто недовольна собой, это очень хороший признак. Ну, а дальнейшее покажет, на что она способна.

(Ленинградский Дом писателей, 1984)

Q: *We know that you admire the work of Veronika Dolina. Tell us if possible a few words about her.*

A: Veronika Dolina is a young, talented poet who sings some of her poems to guitar accompaniment. I wrote some encouraging words about her in your Leningrad magazine *Avrora*. And I don't believe I was mistaken. She takes her work very seriously. She's not overpreoccupied with her own popularity, and she's often dissatisfied with her work. That's a good sign. The future will show us how talented she is.

(Leningrad House of Writers, 1984)

МОЙ ПОЧТАЛЬОН

Accompaniment

Waltz-like

Bm *Bm* *Bm*

Всяк поч- таль- он в э- том ми- ре, что об- ще- из-

F#7 *F#7* *F#7*

-вест- но, кор- рес- пон- ден- ци- ю

F#7 *Bm* *Bm*

но- сит и в две- ри сту- чит.

G *G*

мой поч- таль- он из дру- го- го ка- ко- го- то

D *D* *Em*

тес- та -- пи- сем ко мне не при-

Bm *F#7* *1. Bm* *2. Bm* *Bm* *Bm* *Bm*

-но- сит, а толь- ко мол- чит. // -чит.

MY MAILMAN

1. Mailmen all over the world, it is commonly known,
deliver mail and knock on the doors as they come.
My mailman must be carved out of a different stone—
he doesn't bring me my letters, stays silent and glum.
2. In the dark hallway he nervously fidgets about.
Back to the street is what he wholeheartedly craves.
Smiles and embraces will welcome him when he steps out;
nothing but sadness and loss can be found in my cave.
3. Lately my mailman regards me with contempt and fear.
He'd love to get rid of me now and forget that we've met.
Happy men out on the street make life simple and clear.
They don't need any letters; they bear no regret.
4. Finally, writhing and twisting in some crazy bow,
he dashes out as though in fear for his life.
Out in the open his breathing becomes deep and slow.
He has no regrets as into the crowd he dives.

МОЙ ПОЧТАЛЬОН

1. Всяк почтальон в этом мире, что общеизвестно,
корреспонденцию носит и в двери стучит.
Мой почтальон из другого какого-то теста —
писем ко мне не приносит, а только молчит. 2 раза
2. Топчется в темной прихожей в молчании строгом,
круг оттоптал на пороге у самых дверей.
Радостный день и объятия там, за порогом, —
горестный мрак и утраты в пещере моей. 2 раза
3. Мой почтальон презирает меня и боится,
жаждет скорей от меня отбоириться, плут.
Там, за порогом, мелькают счастливые лица,
там ни о чем не жалеют и писем не ждут. 2 раза
4. Вот, наконец, изгибаясь и кланяясь, что ли,
будто спасаясь, спешит по обратной тропе.
Как он вздыхает легко, очутившись на воле,
как ни о чем не жалеет, теряясь в толпе... 2 раза

— Скажите, вы человек счастливый?

— Вообще, человек, пока жив, — он счастлив. Конечно, а что ж... Конечно.

(Ленинградский Дом писателей, 1984)

Q: *Are you happy?*

A: In general, while a person is alive, he is happy. Of course, why not?

(Leningrad House of Writers, 1984)

НЕ БУДЕМ ХВАСТАТЬСЯ, ЧТО ПРАВЕДНО ЖИВЕМ

Accompaniment

Moderato

1. Не будем хвастаться, что праведно жи-

-вем, а разойдемся тихо по до-

мам. А что остаётся потом, ког-

-да мы все умрем, - пусть это будет памятником

нам. А что ос-// нам. 2. И если

грянет правды торжество, - пусть это

будет памятником нам. И все уз-

Em Bm

-на ют, кто ко- го, и по- че- му, и для че- го, — а

F#m Bm Bm

нын- че ра- зой- дем- ся по до- мам. И все уз-// -мам.

LET US NOT BOAST OF OUR RIGHTEOUS LIVES

1. Let us not boast of our righteous lives,
let us go home quietly tonight
and let whatever's left when the last of us dies
become a monument of greatest height.
2. And when the truth shines down from the sky
there'll stand a monument of greatest height,
and every man will know what, where, how come and why,
but let's go home quietly tonight.

НЕ БУДЕМ ХВАСТАТЬСЯ, ЧТО ПРАВЕДНО ЖИВЕМ

1. Не будем хвастаться, что праведно живем,
а разойдемся тихо по домам.
А что останется потом, когда мы все умрем, — 2 раза
пусть это будет памятником нам.
2. И если грянет правды торжество, —
пусть это будет памятником нам.
И все узнают, кто кого, и почему, и для чего, — 2 раза
а нынче разойдемся по домам.

По мере развития цивилизации, среди разных ее великолепных изобретений, во все более совершенном с технической точки зрения мире, мы все реже задумываемся о чести, честности, человеческой порядочности... Очевидно, этим словам нужно вернуть их подлинный смысл, нужно стремиться придать им тот вес, который они когда-то имели. Это не значит, что этого можно добиться, произнося на эту тему торжественные тирады, — это было бы просто смешно. Но как-то, что-то — я не знаю, собственным примером, что ли, — что-то надо делать...

(Polytika, 8 октября 1983)

As civilization progresses, amid the variety of its magnificent inventions, in our world that is becoming technologically more and more perfect, we rarely stop and think about honor, honesty and human decency... Apparently, the genuine sense of these words needs to be restored; we need to strive to return to them the weight they once had. That is not to say, however, that this can be achieved by uttering solemn tirades—that would be ludicrous. But somehow, something, I don't know, maybe through our own example, maybe—something should be done.

(Polytika, Oct. 8, 1983)

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ НАЗВАНИЙ

Арбатский дворянин 64
Арбатское вдохновение, или Воспоминания о детстве 22
В Барабанном переулке 32
Дерзость, или Разговор перед боем 52
Еще раз о дураках 80
Заезжий музыкант 42
Как наш двор ни обижали 96
Кузнечик 104
Министерство Союза писателей 88
Мой почтальон 108
Море Чёрное 40
Музыкант 100
Настоящих людей так немного 28
Не будем хвастаться, что праведно живём 110
Новое утро 26
О Володе Высоцком 94
Он, наконец, вернулся в дом 36
Памяти брата моего Гиви 24
Песня о молодом гусаре 58
Пиратская песня 72
Приезжая семья фотографируется у памятника Пушкину 70
Примета 50
Римская империя времени упадка 84
Солнышко сияет 56
Старинная солдатская песня 48
Шел троллейбус по улице 38
Шла война к тому Берлину 46
Я выселен с Арбата 66

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ПЕРВЫХ СТРОК

Антон Павлович Чехов однажды заметил 80
В Барабанном переулке барабанщики живут 32
В ночь перед бурей на мачте горят святого Эльма свечки 72
Век двадцатый явился спасателем 88
Всяк почтальон в этом мире, что общеизвестно 108
Господин лейтенант, что вы нынче хмуры? 52
Грозной битвы пылают пожары 58
Если ворон в вышине 50
Заезжий музыкант целуется с трубою 42
Как наш двор ни обижали — он в классической поре 96
Музыкант играл на скрипке — я в глаза ему глядел 100
На откосе, на обрыве нашей жизни удалой 24
На фоне Пушкина снимается семейство 70
Настоящих людей так немного 28
Не будем хвастаться, что праведно живем 110
Не клонись-ка ты, головушка 26
Непокорная голубая волна 40
Ну чем тебе потрафить, мой кузнечик 104
О Володе Высоцком я песню придумать решил 94
Он, наконец, вернулся в дом 36
Отшумели песни нашего полка 48
Пускай любовь моя как мир стара 64
Римская империя времени упадка 84
Солнышко сияет, музыка играет 56
Упрямо я твержу с давнишних пор 22
Шел троллейбус по улице 38
Шла война к тому Берлину 46
Я выселен с Арбата 66

ALPHABETICAL INDEX OF TITLES

Arbat Inspiration, or Memories of Childhood	22
Black Sea, The	40
Finally He Returned to the House	36
Grasshopper, The	104
I Am Evicted from Arbat	66
Impudence, or A Conversation before the Battle	52
In Memory of My Brother Givi	24
Let Us Not Boast of Our Righteous Lives	110
Ministry of the Writers Union, The	88
Musician, The	100
My Mailman	108
New Morning, A	26
Nobleman of Arbat, The	64
Old Soldier Song, An	48
Omen, The	50
On the Drummer Street	32
Once More about Fools	80
Pirate Song, The	72
Real People Are So Very Rare	28
Roman Empire in Decline, The	84
Song of the Young Hussar	58
Song of Vladimir Vysotsky	94
Sun Is Shining, The	56
Though They Really Hurt My Courtyard	96
To Berlin the War Did Steer	46
Trolley Was Moving down the Street, A	38
Visiting Family Is Being Photographed in front of the Pushkin Statue, A	70
Visiting Musician, A	42

БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА ОБ АВТОРЕ

Булат Шалвович Окуджава — современный советский поэт, поэт-певец («шансонье») и прозаик — родился 9 мая 1924 года в Москве. Его отец (по национальности грузин) был крупным партийным работником. В годы сталинской чистки конца 30-х годов он был арестован и расстрелян как «немецкий и японский шпион». Мать (по национальности армянка) провела 18 лет в тюрьмах и лагерях.

В 1942 году 17-летний Булат Окуджава ушел добровольцем на фронт, был неоднократно ранен. После войны (осенью 1945 года) поступил на филологический факультет Тбилисского университета. В 1946 году сочинил свою первую песню «Гори, огонь, гори» («Неистов и упрям»). После окончания университета (в 1950 году) работал в деревне Калужской области и в городе Калуге школьным учителем, затем журналистом.

Окуджава начал печатать свои стихи в 1953 году. В 1956 году был опубликован первый сборник стихотворений «Лирика». Позже вышли сборники «Острова» (1959), «Веселый барабанщик» (1964), «По дороге к Тинатин» (1964), «Март великодушный» (1967), «Арбат, мой Арбат» (1976) и «Стихотворения» (1984).

В 1956 году Окуджава переехал в Москву. Вскоре после этого начал напевать в кругу друзей свои стихи, сопровождая себя на гитаре. Магнитофонные записи его песен стали расходиться по стране в тысячах экземпляров, ознаменовав рождение широкого культурного течения послесталинской России, которое получило такие названия, как «неофициальная песня», «гитарная поэзия», «песни бардов и менестрелей», «магнитиздат». Среди деятелей этого движения — Александр Галич, Владимир Высоцкий, Юлий Ким, Новелла Матвеева, а также Юрий Визбор, Михаил Анчаров, Юрий Кукин, Михаил Ножкин, Евгений Клячкин, Александр Городницкий, Вероника Долина и другие.

В настоящее время Булат Окуджава является автором около 150 песен. В качестве поэта-певца («шансонье») он выступал в СССР, Польше, Венгрии, Югославии, Австрии, ФРГ, Франции, Австралии, Англии, США, Италии. Первая профессионально записанная пластинка с его песнями была издана во Франции в конце 60-х годов.

Перу Окуджавы принадлежат также прозаические произведения, переведенные, как и его стихи, на многие языки мира. Это — повесть «Будь здоров, школяр!», романы «Бедный Авросимов», «Старинный водевиль» и «Путешествие дилетантов», «Свидание с Бонапартом», маленький роман — «Фотограф Жора», а также ряд рассказов. В театрах СССР шла пьеса Окуджавы «Глоток свободы». По его сценариям поставлены фильмы «Верность» и «Женя, Женечка и „Катюша“».

ABOUT THE AUTHOR

Bulat Shalvovich Okudzhava, a contemporary Soviet writer, poet and poet-singer (*chansonnier*), was born on May 9, 1924 in Moscow. His father, a Georgian, who was a high-ranking Party official, was accused of being a “Japanese and German spy” and was subsequently executed during the Stalinist purges of the late 1930s. His mother, an Armenian, spent eighteen years in prisons and camps. In 1942 Okudzhava, who was seventeen years old, volunteered for the army and was sent to the front, where he was wounded many times. After the war, in the fall of 1945, he entered the College of Philology at the University of Tbilisi. In 1946 he composed his first song, “Burn, Fire, Burn.” After graduating in 1950 he worked in a village in the Kaluga region and in the city of Kaluga as a schoolteacher, and later as a journalist.

In 1953 Okudzhava started publishing his works. In 1956 his first collection of poems (*Lyric*) was published in Kaluga. Subsequent anthologies include *Islands* (1959), *The Merry Drummer* (1964), *On the Road to Tinatin* (1964), *Generous March* (1967), *Arbat, My Arbat* (1976) and *Poems* (1984).

Okudzhava moved to Moscow in 1956. Soon after that he began setting his poems to music and singing them to his friends, accompanying himself on the guitar. Tapes of his songs were privately distributed by the thousands throughout the country, marking the birth of a broad cultural trend in post-Stalinist Russia. These unofficial songs or “songs of bards and minstrels,” as the genre has come to be called in the Soviet Union, are also known as “guitar poetry” or “magnitizdat”—literally “publication by tape-recorder.” Among the figures in this creative movement are Alexander Galich, Vladimir Vysotsky, Yuli Kim, Novella Matveeva, and also Yuri Vizbor, Mikhail Ancharov, Yuri Kukin, Mikhail Nozhkin, Evgeny Klyachkin, Alexander Gorodnitsky, Veronika Dolina and others.

Bulat Okudzhava has written about 150 songs. He has performed them in the USSR, Poland, Hungary, Yugoslavia, Austria, West Germany, France, Australia, England, the United States, and Italy. The first professional recording of his songs was released in France at the end of the 1960s.

Okudzhava has also written prose works which, like his poems, have been translated into many languages. They include the tale “Good Luck, Schoolboy!” the novels *Poor Avrosimov*, *Old-Time Vaudeville*, *Travels of the Dilettantes*, *Rendezvous with Bonaparte*, the short novel *Zhora the Photographer*, and also a number of short stories. His play, *A Taste of Liberty*, has been performed in the USSR. He has also written the screenplays for two films: *Loyalty* and *Zhenya, Zhenechka, and Katyusha*.

БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА О СОСТАВИТЕЛЕ

Владимир Фрумкин (р. в 1929 году) закончил теоретико-композиторский факультет (в 1953 году) и аспирантуру (в 1956 году) Ленинградской консерватории. В 1957 году был принят в Союз советских композиторов. Преподавал музыкально-теоретические предметы, вел музыкально-образовательные и дискуссионные программы по ленинградскому телевидению и радио, занимался исследовательской и критической деятельностью. Среди опубликованных работ — «От Гайдна до Шостаковича» (очерк истории симфонии), «Поэзия и музыка», «Особенности сонатной формы в симфониях Шостаковича», «Песня и стих» (о музыкально-поэтическом стиле Булата Окуджавы). В середине 60-х годов стал заниматься исследованием и распространением песен Булата Окуджавы, Александра Галича, Новеллы Матвеевой и других поэтов-певцов. В 1974 году эмигрировал в США, где продолжает исследования и публикации в области русской песни. В. Фрумкин выступает в Америке, Канаде и Европе с лекциями и концертами, посвященными официальной и неподцензурной советской культуре. Преподает русский язык, литературу и культуру в Оберлинском колледже (штат Огайо) и в русской летней школе при Норвичском университете (штат Вермонт).

ABOUT THE EDITOR

Vladimir Frumkin, born in 1929, received a degree in musicology from the Leningrad Conservatory in 1953 and finished graduate work there in 1956. In 1957 he was accepted into the Union of Soviet Composers. He taught music theory, moderated and wrote scripts for music education and discussion programs on radio and television programs in Leningrad, and did research and critical work. Among his published works: *From Haydn to Shostakovich* (on the history of symphony), *Poetry and Music*, "Features of the Sonata Form in the Symphonies of Shostakovich," "Song and Verse" (about Bulat Okudzhava's poetic and musical style). In the mid-1960s he became involved in research on and propagation of the songs of Bulat Okudzhava, Alexander Galich, Novella Matveeva, and other poet-singers. In 1974 he emigrated to the United States and has continued to investigate Russian song and has published widely on this topic. Mr. Frumkin has lectured and performed at colleges, universities and other institutions across the United States, Canada and Europe, giving presentations that deal with official and unofficial Soviet culture. He teaches Russian language, literature and culture at Oberlin College in Ohio and at Norwich University Summer Russian School in Vermont.

Photo by M. Boyer

From Reviews of Bulat Okudzhava, *65 Songs/65 pesen* (volume 1):

“To experience the passionate response of the educated Soviet public to the song poems of Bulat Okudzhava was to plunge several layers beneath the usual level at which Western specialists perceive the Soviet Union. For fifteen years beginning in the late 1950s, Okudzhava’s performances gripped an entire generation.

This volume does not pretend to be a study of Okudzhava’s art. But it does present authoritative transcriptions of the texts and melodies of scores of famous and little-known songs, and also includes revealing quotations from the poet, a bibliography of secondary works on Okudzhava, and interesting documentary photographs.

Frumkin has made a most welcome start in this direction, and both he and his publisher, Ardis, are to be congratulated for their pioneering foray into an area of immense promise.”

—S. Frederick Starr
The Russian Review

“This edition is the most authoritative publication of Okudzhava’s songs, and it is also the only real worthwhile edition of any guitar poet to have been published to date. It is fitting that the first worthwhile publication should concern the first of the guitar poets. And it is a reflection on the twilight status of the genre that it has taken something like twenty years from the time many of the songs in the book were composed for them to get into print, and that the publication occurred abroad.”

—Gerald Stanton Smith
Songs to Seven Strings

«Есть понятие, которое не очень часто вспоминается сегодня, в век массовой печатной продукции: «искусство книги». Это одно из прекрасных искусств, из тех, что пахнут вдохновением и потом старинного ремесла. Не часто появляются книги, сделанные именно с искусством, с любовью, с вдохновением. «65 песен» Окуджавы — из их небольшого числа, и воспевая книгу, воздадим достойную долю хвалы тем, кто выпустил ее в свет. Книга вышла в издательстве «Ардис», хорошо известном тщательностью и продуманностью своего выбора, высоким уровнем всего, что в нем выпускается».

—Феликс Розинер
«22»